

Леонид Колбая

**ПОДВИГ
ВЕЛИКОЙ МАТЕРИ**

Леонид Колбая

**ПОДВИГ
ВЕЛИКОЙ МАТЕРИ**

Сухум – Москва
2009

**Колбая Л. Подвиг Великой Матери / Л. Колбая. –
СПб, 2009. – 128 с.**

© Колбая Л., 2009

К 100-летию со дня рождения «Матери-героини»
Елизаветы Ивановны Запольской
(урождённой Шеиной)
(25.02.1902– 03.09.1982)

Люблю тебя, мою звезду,
Души родной твердыню,
Ты, в сущности, и есть Нан-ду,*
Пою тебя я, как святыню!

(Из стихотворения автора «Рубикон»)

* «Нан-ду» по-абхазски – «Великая мать» (нан – (звательная форма) – мать; ду – великая).

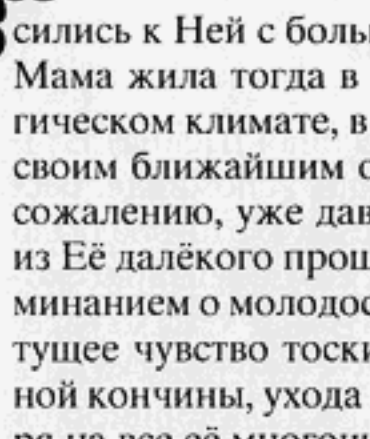

Предисловие

Моя мать Запольская (урождённая Шеина) Елизавета Ивановна не очень любила, вспоминая, рассказывать о своей прожитой жизни. В этом не было никакой случайности, поскольку в Её жизни, о которой я узнал из Её же рассказа, было немало горечи и страданий. Можно без преувеличения сказать, что происшедшие в XX веке великие исторические события в России непосредственно отразились и на Её нелегкой судьбе.

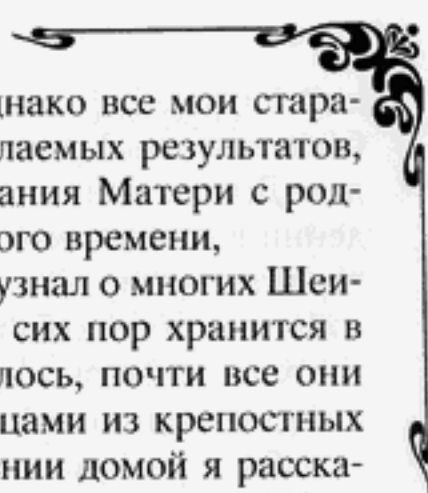
Когда в октябре 1917 года в России свершился большевистский переворот, Елизавете Ивановне было всего лишь 15 лет. Поэтому все тяготы, лишения и муки, которые принесла революция народу, в полной мере испытала на себе и Она. Практически вся история советской власти от самого её зарождения и вплоть до конца жизни Елизаветы Ивановны (в сентябре 1982 года) разворачивалась у Неё на глазах, и Она была вынужденно к ней сопричастна.

Майскими сухумскими вечерами 1981 года в отчем доме мы подолгу беседовали с моей Мамой, у которой я попросил по возможности подробно рассказать о своей жизни. С одной стороны, я очень желал как можно больше узнать о прожитом и пережитом Ею, о Её родных и близких, с другой – мне неизменно передавалось гнетущее Её чувство, связанное с тяжёлыми воспоминаниями прошлого, грусть о невозполнимых утратах родных и близких. Причём всё это имело место в условиях, когда мою Мать постоянно и повседневно окружали многочисленные Её дети и внуки, которые неизменно отно-

сились к Ней с большим вниманием и любовью. Да, Мама жила тогда в прекрасном морально-психологическом климате, в полном духовности контакте со своим ближайшим окружением. Но рядом с Ней, к сожалению, уже давно не было ни одного человека из Её далёкого прошлого, что связывало бы с воспоминанием о молодости и что невольно навевало гнетущее чувство тоски, приближающейся и неизбежной кончины, ухода из жизни, которую Она, несмотря на все её многочисленные тяготы, очень любила. Может быть, именно тогда я впервые задумался и понял, что человеческая старость – это не только, и даже не столько биофизический феномен, сколько духовно-психологический. Ведь часто болеть могут даже младенцы! Но, в отличие от молодого человека, пожилой человек с каждым годом всё больше и больше утрачивает живую связь со своим прошлым и всё острее ощущает необратимые изменения, происходящие в его даже ближайшем окружении, в окружении родных, близких и дорогих сердцу и духу друзей и знакомых, которые, к сожалению, нередко преждевременно покидают этот многообразный и поэтому всегда интересный мир. И этот образовавшийся духовно-психологический вакуум остаётся незаполненным уже до самой его кончины, налагая на всю оставшуюся жизнь глубокую и не всегда объяснимую печаль.

Хорошо понимая причину печали и сопереживая Матери, я предпринял, правда, тщетную, но всё же попытку отыскать кого-либо из Её сородичей по отцовской линии и с этой целью специально в сентябре 1981 года выехал в Пермскую область, в город

Усолье, на родину Её отца. Однако все мои старания, к сожалению, не дали желаемых результатов, поскольку со времени расставания Матери с родственниками прошло очень много времени,

В поездке я познакомился и узнал о многих Шеиных (их поимённый список до сих пор хранится в моём архиве), но, как выяснилось, почти все они были ремесленниками и выходцами из крепостных крестьян. И когда по возвращении домой я рассказал об этом Матери, то в ответ услышал: «Были Шеины и Шеинские», то есть помещики и их крепостные. Классический тому пример – Савва Васильевич Морозов – основатель ряда текстильных фабрик в России, который, будучи крепостным крестьянином, в 1820 г. выкупился вместе с сыновьями у помещика.

Уже тогда я решил как можно подробнее узнать и когда-нибудь описать для потомков довольно сложную, во многом даже трагическую, но в то же время весьма интересную и, как Она сама неоднократно подчеркивала, счастливую жизнь моей Матери.

Интерес к этому занятию у меня особо подогрелся тем обстоятельством, что, по сообщению моей Матери, она оказалась представительницей древнего боярского рода Шеиных – столпов русского московского боярства, которые, по словам известного русского историка С.М. Соловьева, относились к числу «16 знатнейших фамилий, члены которых поступали прямо в бояре, минуя чин окольного»¹.

Мать, конечно же, плохо знала (чтобы не сказать вовсе не знала) свою родословную. Но всё же она хорошо помнила рассказ своего отца о том, что его предки были бояре и даже участвовали в Куликовс-

кой битве 1380 года, а в XVII веке как староверы были сосланы в так называемые «отдалённые города». Другое дело, что о своём боярском происхождении в советское время, в эпоху диктатуры пролетариата, лучше всего было не вспоминать. Да и вспоминать особенно было некогда, поскольку вся её сознательная жизнь проходила под знаком неослабной, повседневной и чрезвычайно напряженной борьбы с разрухой, голодом и нищетой, царившей во всей «стране великой».

Тем не менее, Елизавета Ивановна в силу своего твердого характера никогда, ни при каких обстоятельствах не унывала, не теряла бодрости духа, надежды и веры в светлое будущее, особенно веры в будущее своих многочисленных детей, которым Она, по сути, и посвятила всю свою жизнь. И совершенно правильно говорит народная мудрость, что трудности в жизни сильного духом и волей человека делают ещё сильнее, а слабого – подавляют! В этом смысле наша Мать, несомненно, была сильным духом человеком, к тому же обладавшим незаурядным умом, высочайшей энергичностью, активностью, чувством неугасающего и жизнеутверждающего юмора. Причём жажда и интерес к жизни у неё всегда были очень высокими.

По сути же, сила ее духа была всегда эквивалентна тем актуальным жизненным проблемам, которые реально и постоянно стояли перед ней, да и всем советским обществом, и она старалась быть на уровне объективной необходимости для успешного их разрешения.

В глубь веков. Из истории рода

Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно. Не уважать оной есть постыдное малодушие.

А.С. Пушкин

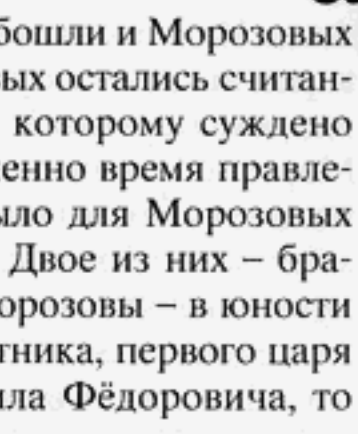
Уже после ухода из жизни нашей Матери, исследуя родословную бояр Шеиных, мне вместе с моим старшим братом – Игорем, удалось многое прояснить по поводу происхождения Матери. Так, в частности, оказалось, что род Шеиных является лишь ответвлением от более древнего боярского рода Морозовых, которые, в свою очередь, ведут родословную от пращура Михаила Прушанина (Пружанина) из дворянского рода, новгородца (из Великого Новгорода), являвшегося, по преданию, выходцем из Пруссии. У Андрея Михайловича Курбского – потомка ярославских князей, московского боярина, бежавшего в Польско-Литовское государство по политическим мотивам, читаем: «Тогда же или чуть раньше был им (Иваном Грозным – Л.К.) убит муж благоверный Андрей, внук славного и сильного рыцаря Дмитрия (Васильевича – Л.К.), по прозванию Шеина, из рода Морозовых, что прибыли от немцев вместе с Рюриком, пращуром русских князей, – семь храбрых и благородных мужей, среди них-то и был Мисса Морозов...»². У Н.М. Карамзина по поводу родоначалия Шеиных читаем: «Из Германии выехали Ратша и Гавриил, а из Пруссии Михаил. От первого ве-

дуют род свой Свибловы, Мусины-Пушкины, Кологривые, Мятлевы, Бутурлины, Каменские и проч.; от второго Кутузовы, Голенищевы, Клеопины, Щукины и проч.; от третьего (коего сын Терентий отличился в Невском сражении) Морозовы, Шеины, Челокоты, Шестовы, Салтыковы, Тучковы и проч.»³.

Год рождения Михаила Прушанина точно не известен, но выяснено, что он жил где-то в конце XII – начале XIII века, умер в Новгороде и был погребен в церкви святого Михаила Архангела, что на Прусской улице. Так вот, сын Михаила Прушанина – Терентий был боярином у великого князя Александра Невского (возведенного, как известно, православной церковью в лик святых), участвовал и отличился в Невской битве 12 июля 1240 года. А Лев Иванович Морозов, являвшийся потомком пращура в шестом колене, был активным участником Куликовской битвы, где геройски погиб 8 сентября 1380 года, командуя левым флангом русских войск. «Лев Морозов и многие другие положили головы за Отечество», – читаем у Н.М. Карамзина⁴.

Сама фамилия Морозов произошла от прозвища «Мороз», которое носил Иван Семёнович Прушанин, родившийся приблизительно в 1330–1335 годах и являвшийся праправнуком пращура Михаила Прушанина.

Следует отметить, что академик АН СССР С.Б. Веселовский, например, относил боярский род Морозовых к числу «древнейших»⁵. Бояре Морозовы в XV–XVII веках имели исключительно высокое положение. В полутора столетний промежуток времени от Ивана III до Смуты из этой фамилии вышло до тридцати думцев, бояр и окольничих. Хотя опа-

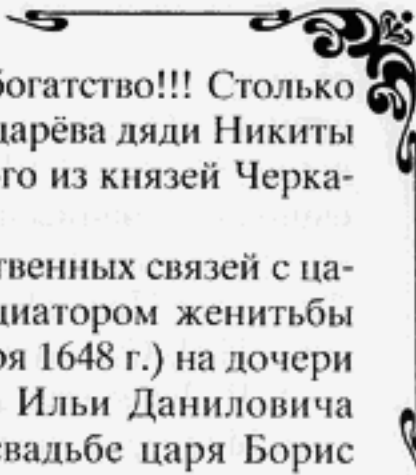

лы и казни Ивана Грозного не обошли и Морозовых и к моменту воцарения Романовых остались считанные представители этого рода, которому суждено было пресечься в XVII веке, именно время правления двух первых Романовых было для Морозовых временем наибольших успехов. Двое из них – братья Борис и Глеб Ивановичи Морозовы – в юности были спальниками своего сверстника, первого царя из династии Романовых Михаила Фёдоровича, то есть были «домашними, комнатными, самыми приближёнными людьми». Это назначение, как полагают исследователи, «... они получили по родству и свойству с Романовыми». Достаточно сказать, что один из их родичей был прадедом матери царя Михаила, а два других родича, Салтыковы, двоюродными братьями. Княжеский род Салтыковых происходит от одной ветви Морозовых, основателем которой считается Михаил Игнатович Морозов по прозвищу «Салтык». Мать же царя – Михаила Фёдоровича – была дочерью костромского дворянина Ивана Шестова, по имени Ксения (в монашестве инокиня Марфа). Кроме того, дворянский род Шестовых имеет с родом Морозовых, Шеиных, Салтыковых и др. общего пращура – Михаила Прушанна, а род Шестовых представляет собой лишь одну из ветвей Филимона Васильевича Прушанина, являющегося прямым потомком Михаила Прушанина в VI колене. Ещё в 1684 году Иоанн V Алексеевич – сын царя Алексея Михайловича и его первой жены Марии Ильиничны Милославской женился на дочери стольника и воеводы Федора Петровича Салтыкова – Просковье. От этого брака родилась императрица

Анна Иоанновна и Екатерина Иоанновна, внук которой вступил на российский престол в 1740 г. под именем Иоанна IV Антоновича⁶. Борис Иванович Морозов был пожалован в бояре в 1634 г. в связи с назначением его в дядьки к царевичу Алексею Михайловичу. Когда в 1645 г. Алексей по семнадцатому году венчался на государство, его пестун стал временщиком, «сильным человеком». Как тогда выражались царь, «глядел у него изо рта»⁷.

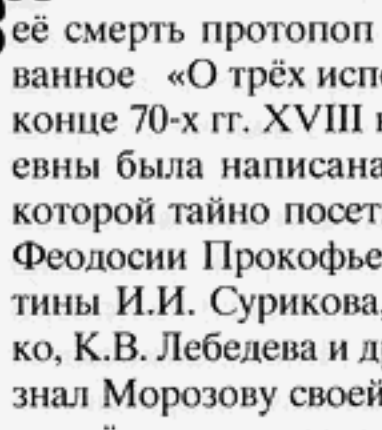
Борис Иванович Морозов был одним из первых русских бояр, сильно пристрастившихся к западно-европейскому. Он ввёл в учебную программу царевича приём наглядного обучения, знакомил его с некоторыми предметами посредством немецких гравированных картинок; он же ввёл и другую ещё более смелую новизну в московский государев дворец – одел цесаревича Алексея и его брата в немецкое платье⁸.

Надо отметить, что братья Борис и Глеб Ивановичи (у которых был ещё брат – Михаил Иванович, боярин (1676), который был женат на княжне Домне Семёновне Прозоровской, но детей у них не было) являлись прямыми потомками пращура Михаила Прушанина в XIV колене⁹. Для своего времени Борис Иванович Морозов (1590–1661) был вполне образованным и интеллигентным человеком. Современники считали его, являвшегося официальным руководителем правительства, а фактически – главой государства, «умным правителем», но который, по словам историка С.М. Соловьёва, «не сумел возвыситься до того, чтобы не стать временщиком». Он был одним из самых богатых людей России того времени: ему принадлежало 55 тысяч крестьян и 7 254

двора. Это было неслыханное богатство!!! Столько же дворов было только лишь у царёва дяди Никиты Ивановича Романова, да у одного из князей Черкасовых, Якова Куденетовича.

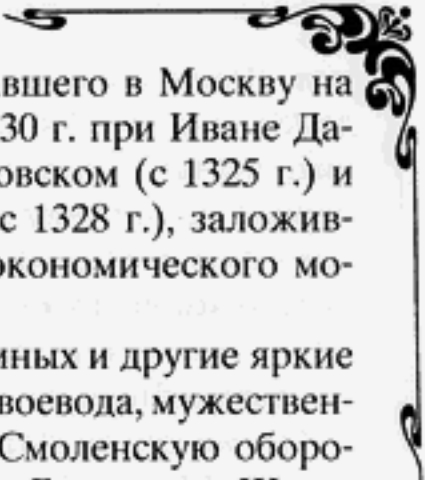
Для утверждения своих родственных связей с царем Борис Иванович стал инициатором женитьбы Алексея Михайловича (16 января 1648 г.) на дочери своего подручного дворянина Ильи Даниловича Милославского – Марии. На свадьбе царя Борис Иванович играл первую роль – был у государя «во отцово место». Через десять дней сыграли ещё одну свадьбу: Борис Морозов, вдовец и человек уже пожилой, женился вторым браком на царицыной сестре Анне и сделался царским свояком. Федосия Прокофьевна Морозова, урождённая Соковнина (1632–1675) – видная деятельница русского раскола, сподвижница протопопа Аввакума, дочь окольного П.Ф. Соковнина, родственника М.И. Милославской – жены царя Алексея Михайловича, в 1649 году была выдана замуж за боярина Глеба Ивановича Морозова. Овдовела в 1662 году и уже в 1670 г. тайно постриглась в монахини под именем Феодоры. За принадлежность к старой вере, «противление» царю и патриарху она была арестована в ночь на 16 ноября 1671 года и её огромное состояние (оставшееся от её мужа – Глеба и его родного брата – Бориса, не имевшего наследников) было конфисковано. Зимой 1673 года, вместе со своей родной сестрой княгиней Е.П. Урусовой и женой стрелецкого полковника М.Г. Даниловой, она была подвергнута пыткам. Позднее её вместе с «союзницами» отправили в Боровск, где уморили голодом в земляной тюрьме. На

её смерть протопоп Аввакум написал прочувствованное «О трёх исповедницах слово плачевное». В конце 70-х гг. XVIII в. о жизни Феодосии Прокофьевны была написана «Повесть», анонимный автор которой тайно посетил её в боровском заключении. Феодосии Прокофьевне посвящены рисунки и картины И.И. Сурикова, И.Л. Петрова. А.Д. Дитовченко, К.В. Лебедева и других художников. «Народ признал Морозову своей заступницей именно потому, – подчёркивает исследователь А.М. Панченко, – что она добровольно «отрясла прах» богатства и роскоши, добровольно сравнялась с «простецами»¹⁰.

Что же касается собственно боярского рода Шеиных, то его основателем является боярин Василий Михайлович Морозов – прямой потомок пращура Михаила Прушанина в седьмом колене, который носил прозвище «Шея». Он умер 15 января 1466 года и от него пошёл род Шеиных¹¹. Именно Василию Михайловичу на правах вотчины принадлежало село Былово в Московском уезде. У его сына – Дмитрия Васильевича – наместника Казани, убитого в Казанском походе 1506 года, была вотчина в с. Митрополье Селецкой волости на р. Вязи.

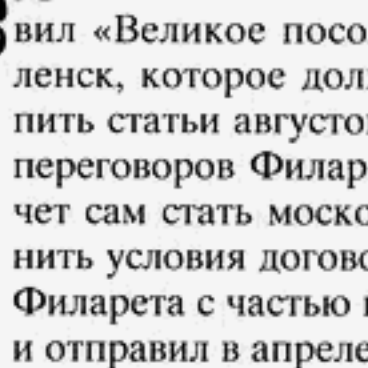
Следует отметить, что в боярском роде Шеиных было немало исторических личностей. Так, судя по некоторым историческим сведениям, имелся и другой боярский род Шеиных, который генетически восходит к прозвищу боярина Константина Дмитриевича «Шея» – сына Дмитрия Александровича Зерна, внука Четов. «Родословная Чет, а во крещении имя ему Захария и у Захарии сын Александр, а у Александра сын Зерно». Дмитрий Александрович

был внуком мурзы Чета, выехавшего в Москву на службу из Золотой Орды ок. 1330 г. при Иване Даниловиче Калите – князе московском (с 1325 г.) и великом князе владимирском (с 1328 г.), заложившим основы политического и экономического могущества Москвы¹².

Кроме того, были в роду Шеиных и другие яркие личности: боярин, легендарный воевода, мужественный защитник, возглавлявший Смоленскую оборону в 1609–1611 годах – Михаил Борисович Шеин. Он был прямым потомком Михаила Прушанина в одиннадцатом колене. После героического противостояния, продолжавшегося 20 месяцев, некий Андрей Дедешев перебежал в стан противников и указал им ту часть крепостной стены, которая была выбита накануне в сражении 21 ноября 1610 г. и спешно починена в сырую погоду и потому не отличалась прочностью. Ударившие по ней пушками противники разрушили её и 3 июня 1611 г., ночью, ворвались в город через пролом. Шеин с женою и детьми (сыном Иваном и дочерью) стоял на башне и после отчаянного сопротивления, будучи раненным, был взят в плен самим Яковом Потоцким. После пыток и допроса Шеина заковали в кандалы; король польский Сигизмунд взял себе его сына, а жену и дочь отдал Льву Сапеге.

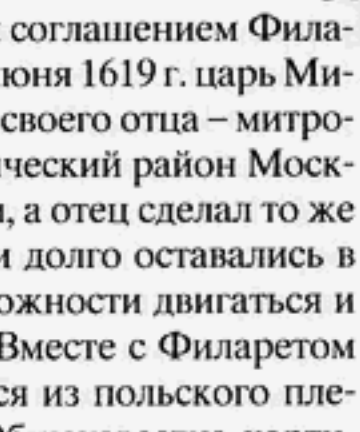
Известно и то, что сторонником избрания на русский престол сына польского короля Сигизмунда III – Владислава и заключения 17 августа 1610 года договора с польским гетманом Жолкевским по этому вопросу был Филарет, отец будущего царя Михаила Федоровича Романова. Он в сентябре 1610 года возгла-

вил «Великое посольство» под осаждённый Смоленск, которое должно было окончательно закрепить статьи августовского договора. Однако в ходе переговоров Филарет понял, что Сигизмунд III хочет сам стать московским царём и отказался изменить условия договора. Тогда Сигизмунд арестовал Филарета с частью посольства, поддержавшего его, и отправил в апреле 1611 г. в Польшу.

Но во время пребывания Филарета в польском плену в Москве был созван Земский собор, который остановил свой выбор на 16-летнем сыне боярина Фёдора Никитича Романова (патриарха Филарета), двоюродного брата покойного царя Фёдора Иоанновича из династии Рюриковичей – Михаиле Фёдоровиче Романове, провозгласив его царём 12 февраля 1613 года. Михаил Фёдорович принял престол 14 марта и венчался на царство 11 июля 1613 года. А уже 10 марта того же года в Варшаву было направлено посольство с целью добиться мира с Польшей и освободить отца царя. Однако король Сигизмунд признавал царём лишь собственного сына, которому присягал в своё время и сам Михаил Фёдорович Романов. Попытка произвести обмен пленными также не увенчалась успехом, так как в московских тюрьмах все поляки были задушены.

После неудавшейся попытки польских войск в 1617–1618 гг. захватить Москву Россия, согласно достигнутому 1 декабря 1618 г. Деулинскому (по названию деревни Деулино, близ Троице-Сергиева монастыря) перемирию, уступила Речи Посполитой Смоленскую, Черниговскую и Новгород-Северскую земли, в которых было 29 городов!

В соответствии с достигнутым соглашением Филарет возвратился на родину, и 14 июня 1619 г. царь Михаил Фёдорович лично встретил своего отца – митрополита в районе Пресни (исторический район Москвы). Сын поклонился отцу в ноги, а отец сделал то же самое перед сыном-царём, и они долго оставались в таком положении, не имея возможности двигаться и говорить от душивших их слёз. Вместе с Филаретом находился также возвратившийся из польского плена Михаил Борисович Шеин. Общеизвестна картина: «Встреча царя Михаила Фёдоровича с отцом митрополитом Филаретом»¹³.

По возвращении Филарета на родину он сразу же был поставлен патриархом и до конца своей жизни (в октябре 1633 г.) был фактическим правителем страны.

О том, как смотрели на Михаила Борисовича Шеина современники, видно, например, из грамоты от 12 июня 1611 года, писанной казанцами пермичам «... а тем и утешаются (русские люди) Божьим милосердием, что дал Бог за православную веру крепкого стоятеля, святейшего Еρμοгена, патриарха Московского и всея Руси, а в Смоленску архиепископа да премудрого боярина Михаила Борисовича ...»¹⁴.

Год рождения Михаила Борисовича точно неизвестен, но его имя впервые встречается в 1598 году, когда он, в числе 45 стольников, подписался под грамотой на царство Бориса Годунова. Его подпись в грамоте стоит на двадцатом месте, ниже которой стоят 17 княжеских подписей.

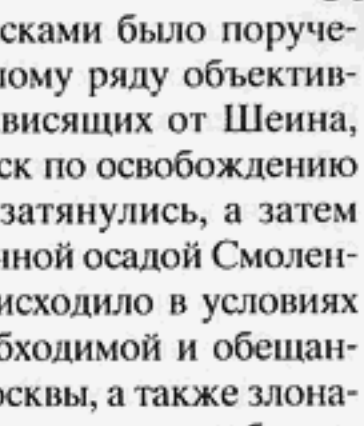
Родственная близость рода Шеиных к царствующей династии Романовых обусловлена и тем обстоятельством, что мать первого царя Михаила Фёдо-

ровича, жена патриарха Филарета инокиня Марфа (в миру Ксения) была дочерью костромского дворянина Ивана Шестова. Этот род имел с родом Шениных общего пращура – Михаила Прушанина.

С 1619 года по возвращении на родину Михаил Борисович был награждён царём за свою верную службу и вплоть до 1628 года, по-видимому, нёс исключительно придворную службу. На обеих свадьбах царя Михаила Фёдоровича (в 1624 году с княжной Марией Владимировной Долгоруковой и в 1626 году – с Евдокией Лукьяновной Стрешнёвой) он был дружкой со стороны невесты, а его жена – боярыня Марья Михайловна – свахой тоже со стороны невесты. Он сопровождал царя в его загородных богомольных «походах», чаще многих других придворных обедал у царя и у патриарха, присутствовал при приёме иностранных послов. В 1627, 1629 и 1630 годах Михаил Борисович «ведал Москву» во время отсутствия царя и т.п. Он являлся доверенным лицом Филарета и главой ряда приказов, а также участником дипломатических переговоров.

Следует особо подчеркнуть, что, будучи несильным как личность и слабым здоровьем, царь Михаил Фёдорович не мог самостоятельно управлять государством; первоначально им руководили мать – инокиня Марфа и её родственники Салтыковы, затем с 1619 по 1633 гг. отец – патриарх Филарет, официально носивший титул «великого государя»¹⁵.

Весной 1632 года началась война с Польшей, получившая название Смоленской, т.к. Россия ставила целью возвращение Смоленска и земель, отошедших к Польше согласно Деулинскому перемирию. Пред-

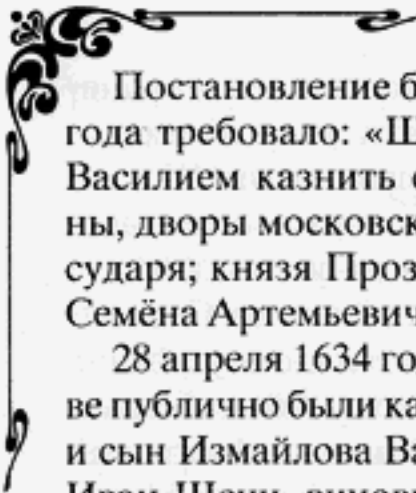

водительствовать русскими войсками было поручено М.Б. Шеину. Однако по целому ряду объективных причин, совершенно не зависящих от Шеина, подготовка и поход русских войск по освобождению русских земель неоправданно затянулись, а затем поход и вовсе завершился неудачной осадой Смоленска в 1632–1634 гг. Всё это происходило в условиях полного отсутствия крайне необходимой и обещанной ему царём поддержки из Москвы, а также злонамеренно распространяемых своекорыстными боярами измышлений в адрес Шеина, что нанесло сильный удар не только по престижу страны и престолу, но, главное, и по самолюбию слабовольного царя.

Как в 1609–1611 гг. (когда М.Б. Шеин защищал Смоленск) Сигизмунд считал вопросом чести взятие Смоленска, так в 1634 г. царь Михаил Фёдорович не мог примириться с тем, что Смоленск останется в руках поляков.

Под влиянием бояр, в условиях полнейшей неподготовленности русских войск к наступательным операциям, царь Михаил Фёдорович инициирует военный поход на поляков, оставляет Шеина без необходимой и обещанной поддержки и, наконец, совершенно необоснованно и явно тенденциозно (под влиянием тех же бояр) приписывает неудачную осаду Смоленска измене Шеина якобы вследствие его расположения к Владиславу¹⁶.

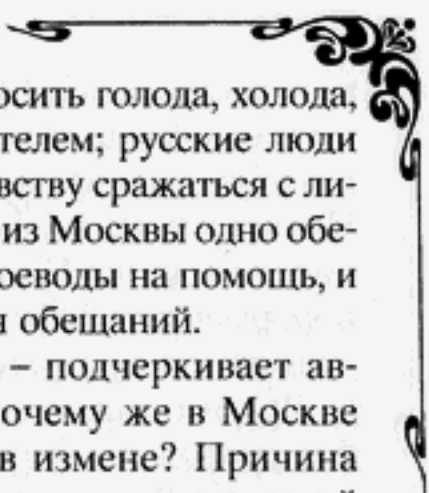
После смерти Филарета в октябре 1633 года Михаил Борисович за свои обличительные речи перед военным походом на Смоленск в адрес трусливых и своекорыстных бояр в отместку был ими оклеветан и ложно обвинён в предательстве.

Постановление боярской думы от 18 апреля 1634 года требовало: «Шейна и Измайлова с сыном его Василием казнить смертью, а поместья их, вотчины, дворы московские и всё имущество взять на государя; князя Прозоровского, кн. Белосельского и Семёна Артемьевича Измайлова сослать в Сибирь».

28 апреля 1634 года на Красной площади в Москве публично были казнены Михаил Борисович Шейн и сын Измайлова Василий. Сын главного воеводы – Иван Шейн, виновный только по вине отца, освобожден от смертной казни по просьбе царицы, царевичей и царевен, но с матерью и женою сослан в понизовые города¹⁷.

«Участь Шейна, – отмечает С.М. Соловьёв, – объяснима легко. Военная история Московского государства давно уже обнаружила несостоятельность русского войска в борьбе со шведами и поляками по недостатку искусства ратного; правительство очень хорошо понимало это и старалось помочь беде: призваны были иностранцы, русских стали учить иностранному строю, но эти первые слабые шаги в деле, разумеется, не могли тотчас же повести к важным результатам. Собравши войско и деньги, нанявши немцев, отправили под Смоленск воеводу, знаменитого защитою этого города; но защищать и осаждать город – две вещи разные; Шейн не успел голодом заставить сдать Смоленск и скоро сам был осаждён королём Владиславом: прежде в Смоленске Шейн был окружён ратными людьми и гражданами, готовыми биться до смерти за священные интересы, а тут в острожке иноземцы дерзко нарушали в его глазах дисциплину, не хотели признавать над со-

бою его власти, не хотели переносить голода, холода, требовали соглашений с неприятелем; русские люди толкуют: где московскому плюгавству сражаться с литовским королём и его людьми, а из Москвы одно обещание, что идут со всех сторон воеводы на помощь, и три месяца никакого исполнения обещаний.

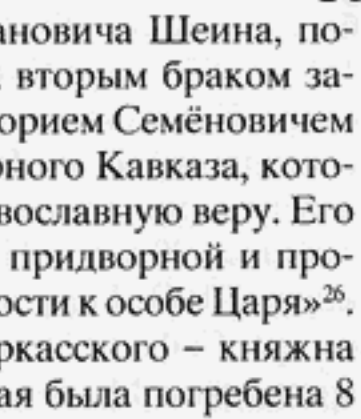
Измены со стороны Шеина, – подчеркивает автор, – не видно никакой. Но почему же в Москве постарались обвинить Шеина в измене? Причина ясна: Шеин своею выходкою у руки государевой смертельно оскорбил многих сильных людей... Филарета не было в живых, и сильные люди спешили отомстить за своё бесчестье»¹⁸. После того как в Москве казнили Шеина и Измайлова – продолжает историк, – «... за это учинилась в людях рознь великая, да на Москве же были пожары большие, выгорела Москва мало не вся»¹⁹.

Даже из этого краткого сообщения вовсе не трудно понять, на чьей именно стороне находились симпатии простого русского народа, в памяти которого Михаил Борисович Шеин навечно остался «премудрым боярином», рыцарем чести, пламенным патриотом и доблестным защитником своего Отечества, который буквально положил свою голову за него. Сам Михаил Борисович Шеин и его сын Иван, умерший в том же 1634 году по пути в ссылку, были погребены в Троице-Сергиевой Лавре только лишь в 1642 году, когда наступило духовное прозрение власти. А жена Михаила Борисовича – Марья Борисовна была погребена там же рядом со своим мужем и сыном 21 января 1651 года²⁰.

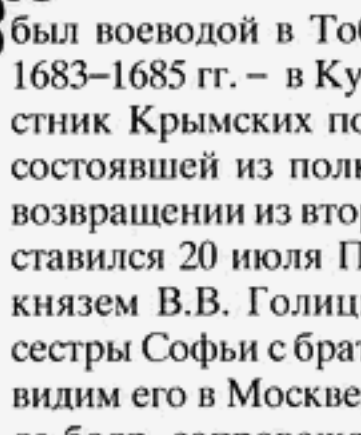
По-видимому, совершенно был прав исследователь Е.А. Белов, который ещё в конце XIX века от-

мечал: «Боярские фамилии, захватившие власть, кроме своих фамильных интересов, не думали ни о чём и возбуждали против себя всеобщее неудовольствие. Нравственных сдержек не было, религиозность была чисто внешняя. Не мудрено, что при таком умственном развитии боярство, убаюканное лестью, не заметило своего падения»²¹.

Другим выдающимся государственным деятелем и полководцем из рода Шеиных был первый генералиссимус России Алексей Семёнович Шеин (1652-1700) – правнук Михаила Борисовича. Год рождения Алексея Семёновича Шеина во всех энциклопедических словарях указан 1662 – это неверно! В действительности он родился в 1652 году²². В подтверждение этого факта достаточно сказать, что его отец стольник – Семён Иванович Шеин был погребен в Троице-Сергиевой Лавре 7 июля 1655 года²³. Кроме того, первая жена А.С. Шеина – княжна Анна Петровна Долгорукова умерла 12 ноября 1671 года, из чего следует, что Алексею Семёновичу, согласно официальной версии, было всего лишь 9 лет (?!). Отец Алексея Семёновича – стольник Семён Иванович Шеин, сведения о службе которого крайне скудны, по-видимому, нёс исключительно дворцовую службу. Что же касается матери Алексея Семёновича, то мне буквально удалось «выудить» сведения из «Полного собрания законов Российской империи с 1649 года»²⁴, из которого явствует, что её звали Авдотьей Ивановной (происхождение не указано!). Причём историк Н.Г. Устрялов ошибочно утверждает, что она была урождённая княжна Черкасская²⁵. На самом же деле Авдотья Ивановна пос-

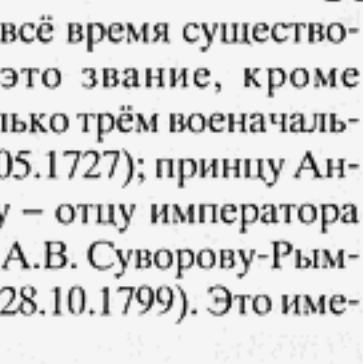

ле смерти мужа – Семёна Ивановича Шеина, погребенного 7.07.1655 года, была вторым браком за мужем за боярином князем Григорием Семёновичем Черкасским, выходцем из Северного Кавказа, который в Москве был крещён в православную веру. Его служба «была исключительно придворной и проходила в непосредственной близости к особе Царя»²⁶. Причём первая жена князя Черкасского – княжна Прасковья Никитична Одоевская была погребена 8 июля 1656 года в той же Троицкой Сергиевой Лавре²⁷. Факт второго брака Авдотьи Ивановны косвенно подтверждается тем обстоятельством, что её могилы нет рядом с могилой бывшего мужа – Семёна Ивановича и сына – Алексея Семёновича. Он, как говорится в исторических источниках, был одним из лучших полководцев и самых образованных россиян своего времени, пользовался милостью Петра Великого. Его имя впервые упоминается в 1671 г. среди «ближних людей» в свадебном поезде в связи со свадьбой царя Алексея Михайловича, женившегося вторым браком на Наталье Кирилловне Нарышкиной – отце и матери Петра I. В эти годы Алексей Семёнович принимает активное участие в дворцовой жизни и делает блестящую карьеру. При встрече персидских послов в 1675 году он выезжал, как и другие ближние люди, со своим «двором», причём его «двор» всегда выделялся блеском и многолюдством среди таких же стольников. Уже при царе Федоре Алексеевиче (сыне царя Алексея Михайловича от первого брака его с Марией Ильиничной Милославской, у которых всего было 13 детей, в том числе и правительница Софья) Алексей Семёнович

был воеводой в Тобольске (1680–1682 гг.), затем в 1683–1685 гг. – в Курске. В 1687 и 1689 годах он участник Крымских походов, где командовал армией, состоявшей из полков Новгородского разряда. По возвращении из второго Крымского похода он представился 20 июля Петру I в Коломенском, вместе с князем В.В. Голицыным. Во время столкновений сестры Софьи с братом Петром I в августе 1689 г. мы видим его в Москве, и 29 августа он упомянут в числе бояр, сопровождавших царевну в её неудавшейся поездке к Троице для примирения с Петром. Но затем Алексей Семёнович на стороне Петра, ездит с ним в Преображенское и Саввин монастырь в ноябре 1689 г., а в следующем 1690 году участвует в плавании на судах в Коломенское. При коронации царей Ивана и Петра он уже в чине боярина нёс царскую шапку. Затем А.С. Шеин является участником Азовских походов 1695 и 1696 годов.

Однако самая выдающаяся заслуга А.С. Шеина как полководца заключалась в блистательном, победоносном Азовском походе 1696 года, который он талантливо возглавил и где впервые в военной истории России был возведен в высшее воинское звание генералиссимуса. Звание генералиссимуса в России впервые встречается ещё в Устав Вейде Адама Адамовича (1667–1720) – генерала, одного из соратников Петра Великого, где сказано: «Генералиссимус или полный воевода... Он повелевает всё войско...»²⁸. Затем это звание вплоть до 1716 года не применялось и в «Табель о рангах» не входило. В воинском Уставе 1716 г. сказано: «Сей чин коронованным главам и великим владеющим принцам надлежит, а наи-

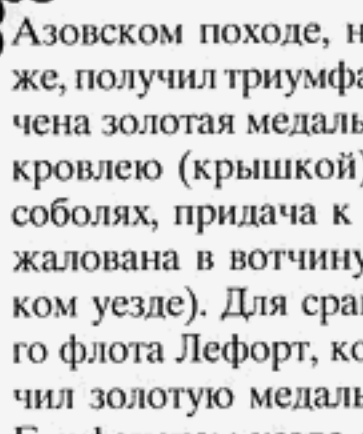

паче тому, чьё есть войско». За всё время существования Российской империи это звание, кроме А.С. Шеина, было присвоено только трём военачальникам: кн. А.Д. Меншикову (12.05.1727); принцу Антону Ульриху Брауншвейгскому – отцу императора Иоанна VI Антоновича и графу А.В. Суворову-Рымникскому, князю Италийскому (28.10.1799). Это имело место 9 января 1696 года²⁹.

Подробный отчёт о походе Алексея Семёновича Шеина к Азову, взятии его и города Лютика, торжественном оттуда с победоносным воинством возвращении в Москву впервые издал в Санкт-Петербурге в 1773 году Василий Рубан. По сведениям упомянутого автора, общая численность русской армии в Азовском походе 1696 года составила 46 253 человека, в том числе 41 471 человек солдат и стрельцов. Известно, что при триумфальном въезде в Москву 30 сентября 1696 года после взятия Азова «царь шел пешком, а Шеин и Лефорт ехали на позолоченных санных»³⁰. При прохождении триумфальных ворот «в предшествии литаврщиков и трубачей несли значок боярина Шеина», а стоящий в воротах Випиус сказал ему в трубу приветствие» в стихах, в котором называл Шеина «Великим воеводой». Это приветствие сопровождалось пальбой из пушек³¹.

В обвешительных грамотах, разосланных по всем европейским государствам, царь Петра I называет Шеина «покорителем Азова», который в течение нескольких сот лет находился в руках турков.

За эту первую большую победу в эпоху царствования Петра I, имевшую широкий резонанс в мире, царь щедро вознаграждал всех ратников, участвовавших в

Азовском походе, но наивысшую награду, конечно же, получил триумфатор А.С. Шеин. Ему же была вручена золотая медаль в 13 золотых червонцев, кубок с кровлею (крышкой), кафтан золотой (парчовый на соболях, придача к его жалованию в 250 рублей, да жалована в вотчину Барышская слобода в Алтырском уезде). Для сравнения: первый адмирал русского флота Лефорт, которого ценил царь Петр I, получил золотую медаль в 7 червонцев ..., да вотчину в Епифанском уезде село Богоявленское с деревнями 140 дворов; Гордон и Головин – по золотой медали в 6 червонцев, в вотчину по 100 дворов³².

О характере взаимоотношений Петра I и А.С. Шеина можно судить хотя бы по одному известному эпизоду, о котором поведал Гордон: после триумфального шествия по Москве 30 сентября 1696 года, генералиссимус Шеин забрал как военные трофеи к себе в дом пленного татарина Аталыка и отобранные у турок знамёна. Вечером царь прислал за знаменами, требуя их к себе. Шеин отказался их выдать. Царь прислал второй раз, но также безрезультатно, и только на третий раз, получив строгое внушение, Шеин согласился их выдать³³.

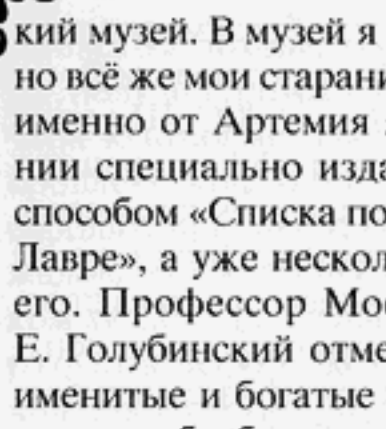
Из данного факта однозначно следует, что личный авторитет генералиссимуса А.С. Шеина в государстве был тогда очень высок.

Затем во время заграничного путешествия Петра А.С. Шеин заведывал иноземным приказом, командовал вооружёнными силами страны и вновь нанёс тяжёлое поражение туркам при р. Кагальнике, которые намеревались опять захватить Азов. А во время бунта стрельцов 18 июня 1698 года, после неудав-

шихся неоднократных попыток их образумления, он наголову разбил их полки под Воскресенском³⁴.

До подавления стрельцкого бунта А.С. Шеиным под Воскресенском стрельцы были о нём хорошего мнения. Вот, например, что говорил о нём как о стрельцком кандидате на царский престол (под кнутом палача в феврале 1697 г.) И.Е. Циклер – один из строителей Таганрога, мятежник, «кормовой иноземец», думный дворянин и полковник, один из самых ревностных приверженцев царевны Софьи – родному брату боярыни Морозовой – Алексею Прокофьевичу Соковнину: «Шейн у нас безроден, один у него сын и человек он добрый»³⁵. И хотя после подавления бунта и сурового наказания зачинщиков оставшиеся в живых стрельцы говорили о генералиссимусе уже как о первом кандидате «на их копья», тем не менее, Пётр I так и не забыл Шеину, что тот, карая стрельцов, не раскрыл (случайно или умышленно?) их связи с царевной Софьей. А исследователь Н.Н. Сахновский в связи с этим отмечал: «Даже на довольно пышном надгробии Шеина в Троице-Сергиевой лавре не нашлось места для слова «генералиссимус»»³⁶.

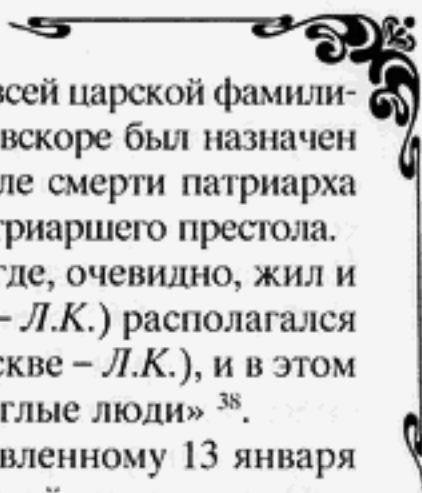
25 мая 2001 года я посетил Троице-Сергиеву Лавру, что располагается в 72 км от Москвы, которая основана св. преп. Сергием Радонежским ок. 1335 г. Познакомился здесь случайно с послушником Артемием, который любезно сопровождал меня по Лавре в поисках захоронения генералиссимуса А.С. Шеина. К сожалению, могилы генералиссимуса я так и не смог обнаружить. Артемий высказал мнение, что надгробие генералиссимуса было снято с целью его реставрации и было перенесено в местный краеведчес-

кий музей. В музей я не успевал попасть по времени, но всё же мои старания были вознаграждены тем, что именно от Артемия я впервые узнал о существовании специально изданного в 1880 г. типографским способом «Списка погребенных в Троице-Сергиевой Лавре», а уже несколько дней спустя смог отыскать его. Профессор Московской Духовной Академии Е. Голубинский отмечает, что «в прежние времена именитые и богатые люди имели великое усердие к тому, чтобы быть погребенными в Троицком монастыре, у преподобного Сергия». И далее он пишет: «Но людей известных исторически здесь погребено очень немного». Из «старого времени» он называет только четырех: кн. Дм. Тим. Трубецкого (24.06.1625); Прок. Петр. Ляпунова (22.07.1611); Михаила Борисовича Шеина (погребен в 1642) и правнука последнего – Алексея Семёновича Шеина (12.02.1700)³⁷.

Упомянутое выше обстоятельство, несомненно, явилось поводом для «охлаждения» отношения Петра I к А.С. Шеину (очевидно, он был недоволен недостаточной его преданностью), что, несомненно, сказалось на дальнейшей судьбе последнего, хотя открытого разрыва между ними не было. Ещё в конце 1699 года Шеин ездил с царём в Воронеж. Но после этого Алексей Семёнович прожил недолго и причина скорой смерти его нам так и не известна.

Во время погребения А.С. Шеина на родовом кладбище в Сергиевом Пасаде (у алтарной стены церкви Святого Духа) 12 февраля 1700 года со страстной речью выступил известный иерарх Стефан Яворский (Симеон), прибывший специально из Киево-Никольского монастыря, который обратил на себя внимание присут-

ствовавшего там царя Петра I со всей царской фамилией. По желанию царя Яворский вскоре был назначен митрополитом рязанским, а после смерти патриарха Адриана – местоблюстителем патриаршего престола.

«Господский двор Шеиных (где, очевидно, жил и скончался Алексей Семёнович – Л.К.) располагался за Арбатскими воротами (в Москве – Л.К.), и в этом дворе поселялись слободами беглые люди»³⁸.

По указу царя Петра I, объявленному 13 января 1696 года, открылся своеобразный выход крепостных людей на свободу: им предоставлялось право записываться на военную службу в Азовский поход и, таким образом, освободиться от крепостной зависимости³⁹. Так, очевидно, и возникли «беглые люди», которые поселялись слободами в господском дворе Шеиных в Москве.

Известно, что Алексей Семёнович Шеин после смерти не оставил детей. Именно в этой связи и находятся сведения С.М. Соловьева о том, что «Нестеров доносил (в 1714 году, после смерти второй супруги Алексея Семёновича – боярыни Марфы Михайловны Шеиной, урожденной Преклонской, в апреле 1713 года погребенной в Сергиевом посаде рядом с мужем – Л.К.), что выморочные пожитки Шеиных расхищены, много перевезено к князю Якову Долгорукому, к князю Михаилу Владимировичу Долгорукову, к Коломенскому архиерею»⁴⁰. Об отношении Петра I к государственным заслугам А.С. Шеина красноречиво свидетельствует, в частности, и следующее обстоятельство.

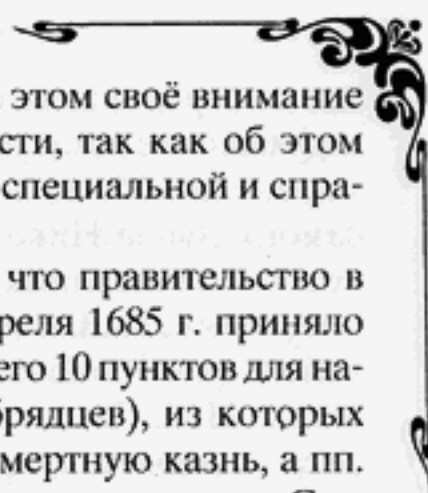
Незадолго до своей смерти царь Пётр Великий мечтал соорудить памятники своим покойным во-

енным сподвижникам Лефорту, Шеину, Гордону и Шереметьеву, говоря про них: «Сии Мужы – верно-стью и заслугами вечны в России монументы!». Ему хотелось поставить эти памятники в Александро-Невском монастыре (ныне – Лавре, что в Санкт-Петербурге – Л.К.), под сенью древнего святого князя, невского героя. Рисунки памятников были уже отправлены в Рим к лучшим скульпторам, но из-за смерти императора дело не состоялось⁴¹.

По сведениям князя Петра Долгорукова, младший брат Алексея Семёновича Шеина – Василий «за болезнью служить не мог и умер в 20-летнем возрасте, оставив сына Ивана, имевшего пять сыновей: Якова, Ивана, Фёдора, Федота и Василия. Потомство их доныне существует в Новосильском уезде Тульской губернии»⁴².

Между тем в Троице-Сергиевой Лавре нет не только могилы матери, но и родного брата Алексея Семёновича – Василия Семёновича. Этот факт, несомненно, соотносится с сообщением моей Матери о том, что её предки как староверы – «ревнителю древлего благочестия» были сосланы в отдалённые города.

Что же касается старообрядчества и так называемого «Раскола» – религиозно-общественного движения в России, возникшего в середине XVII в. в связи с церковными преобразованиями, проводившимися патриархом Никоном (1605–1681), активно вмешивавшимся во внутреннюю и внешнюю политику государства под тезисом «Священство выше царства» (что в конечном счёте вызвало не только открытый разрыв патриарха с царём Алексеем Михайловичем, но, главное, враждебно раскололо всё

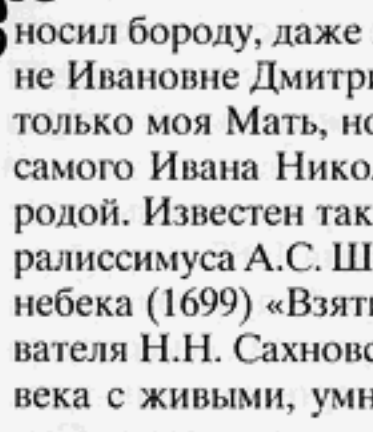

общество), то останавливать на этом своё внимание здесь нет никакой необходимости, так как об этом довольно подробно написано в специальной и справочной литературе⁴³.

Необходимо лишь отметить, что правительство в соответствии с законом от 7 апреля 1685 г. приняло постановление, предполагали всего 10 пунктов для наказания раскольников (старообрядцев), из которых первые пять предусматривали смертную казнь, а пп. 7–9 – ссылку «в отдалённые города» и каторгу. Староверы не имели права занимать общественные должности и быть свидетелями на суде против православных. Они были обязаны носить особого рода платья: мужчины – крашенинную однорядку с лежащим ожерельем и сермяжный зипун со стоячим клееным козырем красного сукна; женщины – опашни и шапки с рогами. Раскольники могли носить бороду, но за неё полагалась особая подать и т.п. Однако все эти жесткие меры не только не останавливали, а наоборот, усиливали распространение раскола.

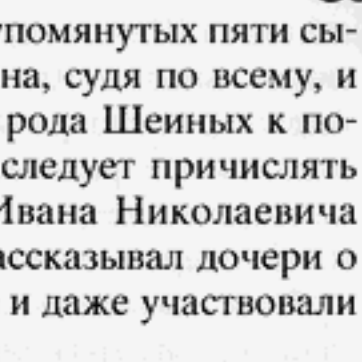
Весьма примечательно, что именно из среды старообрядцев выделилась купеческая верхушка. Постепенно большинство старообрядческих согласий утратило оппозиционный характер по отношению к царской власти и официальной церкви. Особенно это относится к поповщине, из которой, как известно, вышло много купцов и предпринимателей⁴⁴. Этот факт, между тем, весьма примечателен в том отношении, что дед моей Матери Николай Шеин был именно купцом высшей гильдии.

Отец моей Матери – Иван Николаевич Шеин, как и его отец и предки, был старовером и как таковой

носил бороду, даже во время женитьбы на Валентине Ивановне Дмитриевой. Об этом мне поведала не только моя Мать, но и сохранившийся фотоснимок самого Ивана Николаевича, где он предстаёт с бородой. Известен также единственный портрет генералиссимуса А.С. Шеина, взятый с гравюры А. Шхонебека (1699) «Взятие Азова». По мнению исследователя Н.Н. Сахновского, он «показывает нам человека с живыми, умными глазами: его плечи свидетельствуют о недюжинной силе; он гарцует на коке как опытный наездник»⁴⁵. Причём он тоже изображен здесь с бородой и усами!

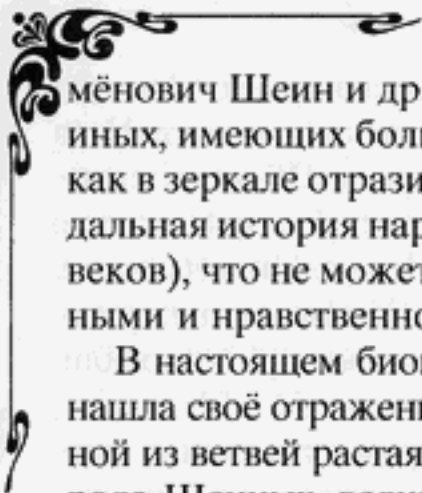
И хотя год рождения Василия Семёновича Шеина мне точно неизвестен, но зато известно, что он был младшим братом Алексея Семёновича, родившегося в 1652 году. Из сопоставления этих фактов с годом смерти их отца, погребенного 7.07.1655 г. в Троице-Сергиевой Лавре, следует, что Василий Семёнович родился в промежутке между 1653 и 1655 годами, а если учесть сведения кн. Петра Долгорукова о том, что Василий умер в 20-летнем возрасте, то наиболее вероятными годами его смерти являются 1673–1675 гг. Это были те годы, когда ничто не могло помешать захоронить Василия Семёновича в Троице-Сергиевой Лавре, где был погребен и его отец, кроме как его причастность к старообрядчеству! Более того, весьма вероятно, что он, будучи уже женатым старовером, находился в ссылке и умер не в Москве. Таким образом, версия о ссылке Василия Семёновича Шеина в «отдалённые города» как старовера со всей его семьёй – женой (неизвестного рода) и сыном Иваном, обретает реалистические ос-

нования. Так вот, от одного из упомянутых пяти сыновей Ивана Васильевича Шеина, судя по всему, и продолжилась ветвь боярского рода Шеиных к потомкам которого, очевидно, и следует причислять отца Елизаветы Ивановны – Ивана Николаевича Шеина (1874–1918), который рассказывал дочери о том, что его предки были бояре и даже участвовали в Куликовской битве.

В целом, у нас с братом Игорем есть лишь одно условное допущение, которое связано с произвольно (я надеюсь, что пока!) избранным нами именем одного из пяти сыновей Ивана Васильевича, являющегося непосредственным предком нашей матери: мне почему-то представляется, что это Иван Иванович, а моему брату – Василий Иванович. Однако так это или иначе – вовсе не принципиально, поскольку речь идёт о самом роде как таковом. Надеюсь, что дальнейшие усилия в этом направлении позволят внести окончательную ясность и в этот аспект исследования.

Ведь с тех пор, как мне стала известна от Матери Её боярская родословная в общих чертах, я не прекращал исследования в этом направлении. Итогом явилось получение довольно обширной и весьма интересной исторической информации о её предках, особенно по отцовской линии и, в частности, о жизни и деятельности таких выдающихся военных и государственных деятелей России, как легендарный воевода Михаил Борисович Шеин (имевший, между прочим, и княжеское достоинство, пока его тенденциозно и ложно ни обвинили в измене) и первый генералиссимус России – боярин Алексей Се-

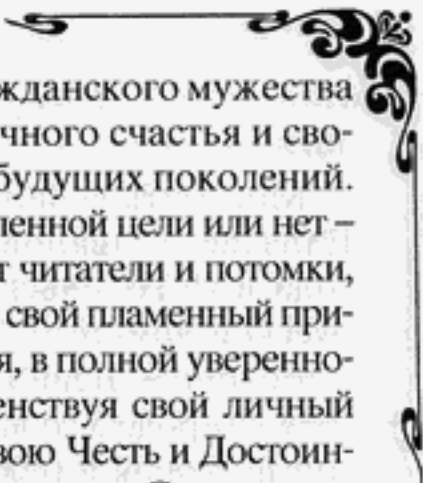

мёнович Шеин и др. В истории боярского рода Шеиных, имеющих большие заслуги перед Отечеством, как в зеркале отразилась многовековая и многострадальная история народа России (особенно XV–XVII веков), что не может подлежать забвению благодарными и нравственно воспитанными потомками.

В настоящем биографическом очерке фактически нашла своё отражение судьба представительницы одной из ветвей растаявшего древнерусского боярского рода Шеиных, великие предки которой, находясь у кормила власти, закладывали основы российской государственности и, не щадя своих сил и голов, внесли заметный вклад в ход исторического развития России.

Надо отметить, что люди, сильные духом и волей, во все времена и эпохи совершали подвиги. Но если подвиг – это героический, самоотверженный, единовременный, наполненный высоким пафосом социального жизнеутверждения поступок, то как можно назвать человека, который совершает такие поступки непрерывно, постоянно, практически изо дня в день, когда вся жизнь его, по сути, есть сплошной подвиг? Такого определения, содержащегося в одном слове, я не знаю! Но именно таким, без всякого преувеличения, сплошным подвигом была долгая жизнь моей незабвенной Матери – Елизаветы Ивановны – «Матери-Героини», родившей и воспитавшей десять детей.

Об этом, собственно, я и хотел, по возможности подробно рассказать в настоящем биографическом очерке в назидание потомкам, дабы во все времена и эпохи жизнь Елизаветы Ивановны служила им духовным ориентиром, примером высокого сознания

Чести, Достоинства и Долга, гражданского мужества и самоотверженности во имя личного счастья и своей семьи, счастья своих детей и будущих поколений.

Удалось ли мне достичь поставленной цели или нет – не мне судить. Пусть об этом судят читатели и потомки, которым я посылаю из настоящего свой пламенный привет и самые наилучшие пожелания, в полной уверенности, что они, постоянно совершенствуя свой личный Дух, высоко пронесут по жизни свою Честь и Достоинство, преумножая Честь, Достоинство и Славу своих предков ради счастья будущих поколений.

В заключение я хочу выразить свою особую благодарность моей любимой племяннице – кандидату экономических наук Янине Раульевне Шакая, дочери моей младшей сестры Елены, за оказанную мне неоценимую помощь в практическом усвоении первых уроков компьютерной грамотности и, в частности, в наборе и распечатке чернового варианта текста настоящего сочинения.

Семья моей Матери

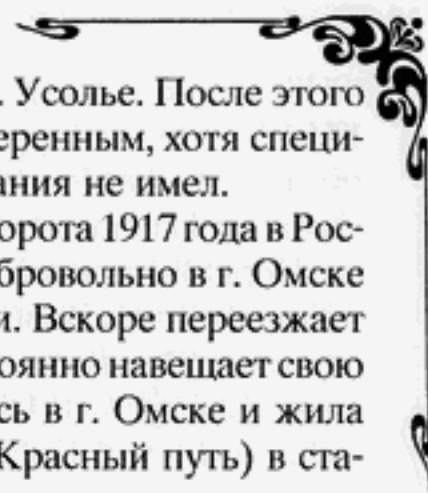
Моя мать – Запольская (урожденная Шеина) Елизавета Ивановна родилась 25 февраля 1902 года в г. Тобольске в семье кадрового офицера русской армии.

Её отец – Шеин Иван Николаевич родился в 1874 году в городе Усолье Пермской области России, который возник в 1606 году как центр солеварения.

И хотя, по его информации, предки у него были бояре, сам он являлся сыном купца первой гильдии. Причём от своего отца Она знала не только то, что его предки были бояре, но и то, что они, будучи староверами, были сосланы вместе со своими дворовыми в «отдалённые города» (в так называемое «Понизовье»). Иван Николаевич окончил реальное и военное училища и практически всю свою жизнь находился на военной службе.

В 1901 году, находясь на военной службе в городе Тобольске, Иван Николаевич женился на Дмитриевой Валентине Ивановне 1877 года рождения, дочери богатой помещицы. Она была дворянского происхождения, и ее мать не признавала родных Ивана Николаевича за их невысокое социальное положение. От совместного брака у Ивана Николаевича и Валентины Ивановны было пятеро детей: Елизавета – 1902 года рождения (г. Тобольск), Борис – 1904 года рождения (г. Тобольск), Капиталина – 1906 года (г. Ялуторовск), Константин – 1908 года (г. Томск) и Валентина – 1911 года (г. Томск).

Перед началом Первой мировой войны Иван Николаевич вышел в отставку в звании майора, разошел-

ся с женой и переехал к отцу в г. Усолье. После этого он работал в Усолье частно поверенным, хотя специального юридического образования не имел.

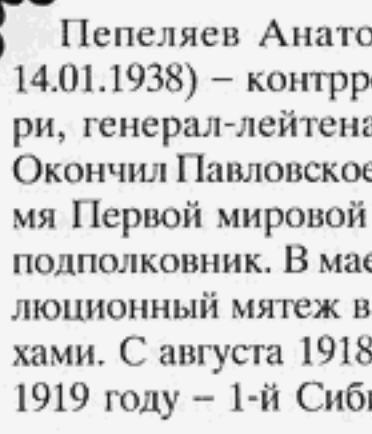
В начале Октябрьского переворота 1917 года в России Шеин Иван Николаевич добровольно в г. Омске вступает в ряды Красной Армии. Вскоре переезжает в г. Пермь, но, тем не менее, постоянно навещает свою семью, которая тогда находилась в г. Омске и жила на ул. Капцевича (ныне улица Красный путь) в старом одноэтажном доме.

В ночь с 24 на 25 декабря 1918 года, во время захвата екатеринбургской группой Колчаковских войск г. Перми (Сибирская армия генерала Р. Гайды с конца декабря 1918 г.) Иван Николаевич попал в плен и вместе с другими был расстрелян войсками генерала Пепеляева А.Н., который тогда командовал корпусом.

Иван Николаевич был членом партии большевиков и находился в должности офицера 29-й стрелковой дивизии 3-й армии советских войск в чине майора, которая располагала 36 тыс. штыков и сабель. Командиром 3-й армии тогда являлся М.М. Лашевич⁴⁶.

Форма, в которой Ивана Николаевича видела дочь – Елизавета Ивановна, когда он приезжал в г. Омск, свидетельствовала об отношении его к так называемому «батальону смерти», так как он носил красную ленту с чёрной. Елизавета Ивановна не исключает, что Иван Николаевич командовал этим батальоном.

Ещё в царское время Шеин Иван Николаевич служил вместе с А.Н. Пепеляевым в 42-м Сибирском полку (1910–1914 гг.). Оба по чинам были равны.

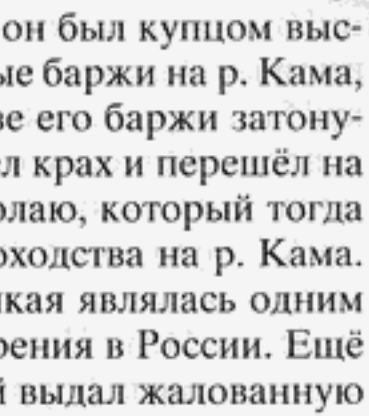

Пепеляев Анатолий Николаевич (3.08.1891 – 14.01.1938) – контрреволюционный деятель в Сибири, генерал-лейтенант. Родился в семье офицера. Окончил Павловское военное училище (1910). Во время Первой мировой войны командовал батальоном, подполковник. В мае 1918 года возглавил контрреволюционный мятеж в Томске, поддержанный белочехами. С августа 1918 года командовал корпусом, а в 1919 году – 1-й Сибирской армией. После разгрома колчаковщины продолжал борьбу против Советской власти на Дальнем Востоке, был близок к эсерам. В 1921 году эмигрировал в Харбин (Китай). Командовал «Сибирской добровольной дружиной», которая в августе 1922 года направилась из Владивостока в Якутск, взять который ему не удалось. 17 июня 1923 года Пепеляев сдался с остатками отряда в порту Аян командиру советского экспедиционного корпуса С.С. Вострецову. Приговорен судом к расстрелу, замененному ВЦИК 10-летним заключением⁴⁷.

О расстреле Ивана Николаевича Шеина сообщила Валентине Ивановне Дмитриевой (жене) жена Пепеляева А.Н. в письме. Об этом Елизавета Ивановна узнала во Владивостоке в 1922 году от родственников.

По сведениям Пермского краеведческого музея, в декабре 1918 года во время захвата колчаковской группой войск Перми город оборонялся 29-й стрелковой дивизией 3-й армии советских войск. Все попавшие в плен красноармейцы были расстреляны, а их останки брошены в ледовую трещину р. Кама⁴⁸.

Сведений о родителях Ивана Николаевича Шеина очень мало, чтобы не сказать – почти нет. Известно только, что его отца звали Николаем, отче-

ство которого неизвестно, что он был купцом высшей гильдии и имел собственные баржи на р. Кама, на которых перевозил соль. Две его баржи затонули, вследствие чего он потерпел крах и перешёл на службу к другому сыну – Николаю, который тогда был капитаном торгового пароходства на р. Кама. (В XVI – XVII вв. Пермь Великая являлась одним из важнейших центров солеварения в России. Ещё в 1558 году царь Иван Грозный выдал жалованную грамоту Аникею Фёдоровичу Строганову (1497–1570) – крупнейшему русскому купцу и промышленнику – на Прикамские земли. Он был выходцем из поморских крестьян. В XVII в. владения Строганова достигло 10 млн десятин земли. Именно с ним, очевидно, и сотрудничал дед моей Матери, перевозивший соль по Каме на свих баржах вплоть до Октябрьского переворота 1917 года).

Елизавета Ивановна говорит, что в 1917 году Шенину Николаю (деду, отчество которого неизвестно) было 90 лет, и он тогда ещё продолжал работать у сына Николая.

Мать Ивана Николаевича звали Елизаветой (ни отчество, ни её девичья фамилия неизвестны). Она была крестьянского происхождения, внешне очень красива. Умерла она совсем молодой в возрасте 24 лет, от родов десятого ребенка. Однако в живых осталось только трое: Николай, Мария и Иван.

Иван Николаевич – отец Елизаветы Ивановны – говорил ей, что она была очень похожа на его мать – Елизавету (с чем, очевидно, и было связано происхождение её имени).

Родная сестра отца – Мария Николаевна была образованна и работала учительницей в гимназии в Усолье.

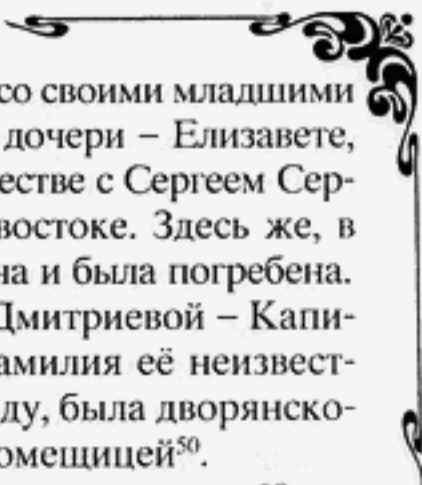
Иван Николаевич увлекался игрой в преферанс, выпивал, однако скандалов никогда не учинял, так как был хорошо воспитанным и интеллигентным человеком. Он не курил и никогда не повышал голоса ни на супругу, ни на своих детей.

Военную службу Иван Николаевич не любил. Перед сном любил подолгу ходить по квартире. Как и его отец, Иван Николаевич был старовером и в молодости носил бороду, как и во время женитьбы на Валентине Ивановне.

Со слов Ивана Николаевича, его предки были бояре, которые, будучи лишены поместий и званий, вместе со своими дворовыми были сосланы в Усолье за старообрядчество. Известно, что ссылке в так называемые «понизовые города» (т.е. нижнего течения р. Волга) подвергались староверы после состоявшегося в Москве в 1666–1667 гг. церковного собора, предавшего старообрядчество анафеме и принявшего решение о наказании старообрядцев как еретиков. В истории рода Шеиных, например, известен факт, когда «сын главного воеводы (Михаила Борисовича – Л.К.) Иван Шеин, виновный только по вине отца, освобождён от смертельной казни по просьбе царицы, царевичей и царевен, но с матерью (Марией Борисовной – Л.К.) и женой сослан в понизовые города»⁴⁹.

Мать Елизаветы Ивановны Шеиной – Дмитриева Валентина Ивановна родилась в 1877 году в городе Вятке. Она окончила женскую гимназию и практически всю свою жизнь была домохозяйкой.

Умерла Валентина Ивановна Дмитриева весной 1921 года, во время железнодорожной поездки по пути из Омска во Владивосток, в городе Минусинске (от

сыпного тифа), когда она вместе со своими младшими детьми направлялась к старшей дочери – Елизавете, проживавшей тогда уже в замужестве с Сергеем Сергеевичем Запольским во Владивостоке. Здесь же, в Минусинске, Валентина Ивановна и была погребена.

Мать Валентины Ивановны Дмитриевой – Капиталина Степановна (девичья фамилия её неизвестна) родилась в г. Вятке в 1840 году, была дворянского происхождения и крупной помещицей⁵⁰.

Умерла Капиталина Степановна в возрасте 60 лет в 1900 году в городе Тобольске из-за болезни сердца и почек. Погребена вместе со своим мужем на городском кладбище Тобольска.

Отец Дмитриевой Валентины Ивановны – Дмитриев Иван Дмитриевич родился в 1844 году в городе Суммы (или Старая Русса) Новгородской области. Умер Иван Дмитриевич в 1917 году в возрасте 73 лет от паралича в Тобольске и похоронен на кладбище со своей женой.

Иван Дмитриевич был образован, по профессии – топограф. Работал в Тобольской партии по подготовке так называемых пермышенских участков (называемых «упдушка»). Он имел свой выезд (кучера и лошадей). Получал тогда 16 рублей в месяц и на базар за покупками для дома ездил исключительно на телеге. Иван Дмитриевич постоянно жил в Тобольске, но каждым летом приезжал в Омск к своей дочери по р. Иртыш. Причём первым паромом приезжал, а последним возвращался, т.к. другого транспортного сообщения тогда не было. Иван Дмитриевич был небольшого роста, толстоват, любил пить много пива, играть в преферанс и винт.

У Ивана Дмитриевича и Капиталины Степановны было всего трое детей: Валентина, Полиевкт – 1879 и Анна – 1886 года рождения.

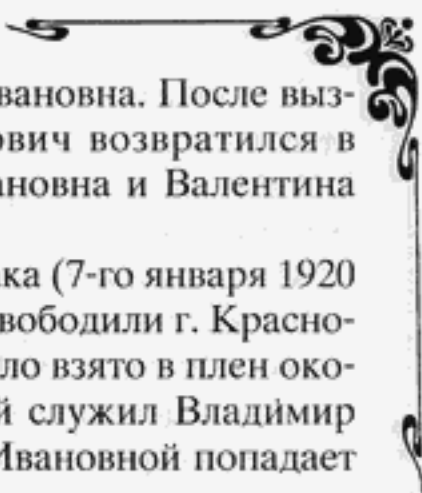
Полиевкт Иванович Дмитриев, так же, как и его отец, был топографом. Настоящий интеллигент, любил, однако, выпить. Жена его Евдокия (Доня) Федоровна была купчихой и постоянно проживала в Пятигорске. Она лично знала Григория Распутина, который бывал в доме её родителей. (С ней я познакомился по приезду в Пятигорск в 60-х годах, когда прибыл сюда на кратковременный отдых). Ещё до знакомства с Евдокией Федоровной Полиевкт в возрасте 20 лет женился на «генеральше», некоей Сеницыной (500 руб. пенсия), за что его отец выгнал из дома и даже запретил детям с ним общаться. И только за два года до своей смерти отец примирился с Полиевктом. У Сеницыной были дети до брака с Полиевктом.

Умер Полиевкт Иванович в Пятигорске в пятидесятых годах, где и был похоронен.

Младшая дочь Капиталины Степановны Дмитриевой – Анна Ивановна родилась 22 сентября 1886 года. Она окончила Эпархиальное училище. Жила в Тобольске, где и вышла замуж за Мандрыко Владимира Акимовича – офицера русской армии, находящегося в чине полковника. Последний умер осенью 1930 года в Пятигорске в возрасте 62 лет от сердечной недостаточности.

Сама Анна Ивановна накануне Первой мировой войны переехала из Тобольска в Омск, куда переехала и ее старшая сестра Валентина Ивановна с детьми в 1912–1913 годах.

Владимир Акимович ушел на фронт и под Ригой был ранен в ногу. Затем он лечился в Пятигорске,

где с ним и находилась Анна Ивановна. После выздоровления Владимир Акимович возвратился в Омск, где жили Елизавета Ивановна и Валентина Ивановна Шеины.

После разгрома армии Колчака (7-го января 1920 года 3-я и 5-я Красная армии освободили г. Красноярск от колчаковцев, где их было взято в плен около 20 тыс. человек), в которой служил Владимир Акимович, он вместе с Анной Ивановной попадает в Красноярский концлагерь.

В том же году, после освобождения из плена, Владимир Акимович и Анна Ивановна переезжают в Пятигорск на постоянное место жительства и поселяются в доме семьи Горбатова Александра Васильевича – преподавателя химии в школе и его жены – Марии Максимовны, которые жили по улице Подвальной, д. 25.

Жизнь тогда была очень тяжелой, и Анне Ивановне, чтобы выжить, приходилось заниматься «малым бизнесом»: она изготовляла и продавала лапшу. В 1930 году за сбор 30 рублей серебряными монетами Анна Ивановна была арестована органами НКВД, приговорена к 7 годам высылки в Казахстан на строительство «Турксиба» – железной дороги, проходящей через пески Туркменистана, которые она полностью отбыла, как говорится – «от звонка до звонка».

Во время высылки Анны Ивановны в 1932 году Владимир Акимович жил вместе с семьёй Сергея Сергеевича и Елизаветы Ивановны. В тот момент, когда сотрудники НКВД пришли арестовывать Владимира Акимовича, он внезапно скончался от сердечного приступа и был погребен без гроба, в одной простыне, на городском кладбище.

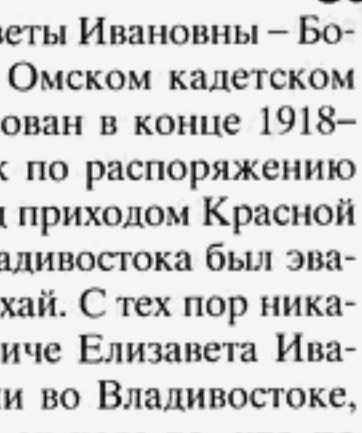
«Это были голодные годы, – пишет мой старший брат Игорь, – когда люди ели кошек, собак и людей. Тогда наша Мать работала в «Курортторге» и это был 1932 год».

Из ссылки в 1937 году Анна Ивановна приезжает в Абхазию, где тогда уже жили обе её племянницы – Елизавета и Валентина Ивановны. Причём Елизавета Ивановна жила в городе Сухуме, а Валентина Ивановна – в селе Гульрипш. Некоторое время Анна Ивановна проживала со своей племянницей Валентиной в Гульрипше. Моя мать и тётя Валя называли Анну Ивановну «тётя Нюра», а мы, все дети – «баба Нюра».

В 1938 году Анна Ивановна с Валентиной Ивановной, её мужем – Царёвым Кириллом Никитичем (бухгалтером по профессии) и маленькой дочерью Натальей переехали в Сухум и временно, до завершения строительства своего дома по Учительскому проезду, проживали в доме моего отца – Колбая Ильи Тимофеевича, жившего по тому же Учительскому проезду, д. 240/3.

Не без содействия Ильи Тимофеевича Колбая Анна Ивановна поступила на работу в аппарат Сухумского городского Отдела народного образования (СухгорОно) на должность машинистки, так как имела определённый опыт, приобретенный в девичестве. Здесь Анна Ивановна за свою исключительную интеллигентность и добросовестность пользовалась большим уважением и проработала вплоть до ухода на пенсию.

После окончания строительства жилого дома Царёвых Анна Ивановна жила в нём до самой кончины – 13 мая 1968 года и была погребена на Михайловском кладбище.

Родной младший брат Елизаветы Ивановны – Борис Иванович Шеин учился в Омском кадетском корпусе, который был эвакуирован в конце 1918–начале 1919 гг. во Владивосток по распоряжению А.В. Колчака. В 1922 году перед приходом Красной Армии кадетский корпус из Владивостока был эвакуирован в Китай, в город Шанхай. С тех пор никаких сведений о Борисе Ивановиче Елизавета Ивановна не получала. Ещё будучи во Владивостоке, Елизавета Ивановна слышала от кого-то, что по окончании кадетского корпуса весной 1923 года часть выпускников его попала в Америку, а другая часть – в Сербию (Югославию).

Сестра Елизаветы Ивановны – Капиталина Ивановна Шеина родилась в 1906 году в г. Ялуторовске. Училась в школе г. Красноярска. Рано вышла замуж за Казанцева Петра – сына многодетного сапожника. Родившийся от совместного брака сын Юрий в возрасте 2 лет от случайного приема мышьяка умер.

Капиталина Ивановна в конце 30-х годов приезжала в гости в Сухум к нашей матери, когда она с отцом и детьми жила в здании русской школы №1, а во второй раз приезжала с офицером Красной Армии Винокуровым Валентином Антоновичем, когда младшая сестра Елизаветы Ивановны Валентина Ивановна жила ещё в Гульрипше, о чём мой брат Игорь хорошо помнит.

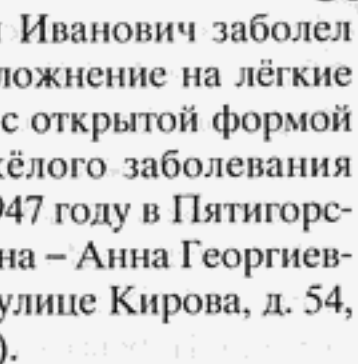
Капиталина Ивановна с мужем Валентином Антоновичем прожили вместе до окончания Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., после чего разошлись. Умерла Капиталина Ивановна в одиночестве (не приняв предложения Ильи Тимофеевича о переезде на постоянное место жительства в Сухум) 27 марта

1969 года, в возрасте 63 лет, от кровоизлияния в мозг в Красноярске, где и была похоронена.

Другой младший брат Елизаветы Ивановны – Константин Иванович Шеин родился в 1908 году в Томске. Он окончил десятилетку в Пятигорске, затем там же окончил бухгалтерские курсы. По окончании бухгалтерских курсов начал работать в Бюро прогноза погоды главным бухгалтером, куда устроила его сестра – Елизавета Ивановна. Затем он работал в должности главного бухгалтера в «Союззаготтресте», который размещался в городе Ворошиловске (название Ставрополя в 1935–1943 гг.) Орджоникидзевского края по ул. Орджоникидзеевской, д. 29. Видимо, Константину Ивановичу приходилось бывать в командировках, т.к., когда он проживал в гостинице г. Армавира, к нему приезжал его племянник – Игорь Сергеевич, который останавливался у него в гостинице. Приезжал к нему Игорь по поручению моего отца – Ильи Тимофеевича в станицу «Советская» к тётке Вале и Кириллу Никитичу за олифой для покраски жилого дома по улице Учительской, д. 240/3. Это было примерно в 1938 году. Именно тогда в Армавире Константин Иванович подарил Игорю (за хорошую учебу в школе) швейцарские ручные часы фирмы «Мозель».

Константин Иванович отличался грамотностью и работоспособностью, однако любил выпить.

Женился Константин Иванович в 1932 году на некой Пахарьковой Анне Георгиевне – бухгалтере по профессии, проживавшей в Пятигорске. От совместного брака у них был единственный ребёнок, который, к сожалению, умер, не дожив даже до года. Участвуя в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.,

под Сталинградом Константин Иванович заболел гриппом, получил серьёзное осложнение на лёгкие и был демобилизован из армии с открытой формой туберкулеза. В результате тяжёлого заболевания Константин Иванович умер в 1947 году в Пятигорске, где и был похоронен. Его жена – Анна Георгиевна проживала в Пятигорске по улице Кирова, д. 54, кв. 13 (почтовый индекс 357500).

Таким образом, об одном брате Елизаветы Ивановны – Борисе после 1923 года нет никаких известий вообще, а о другом – Константине – известно, что никаких детей после себя он не оставил.

Младшая сестра Елизаветы Ивановны Валентина Ивановна Шеина родилась 9 января 1911 года в Томске.

В 1930 году она закончила среднюю школу в Пятигорске. В том же году переехала в Абхазию, где уже проживала её старшая сестра – Елизавета Ивановна. Здесь она начала учительствовать в начальных классах сельских школ, сначала в с. Михайловка, затем в с. Гульрипш Сухумского района.

В январе 1938 года Валентина Ивановна экстерном сдаёт экзамены в Армавирское педагогическое училище, а с 1940 года непрерывно, до самого ухода на пенсию, работает в общеобразовательных школах г. Сухума учительницей начальных классов.

С 1953 года и до ухода на пенсию Валентина Ивановна работала в русской 17-й средней школе им. А.М. Чочуа.

В 1957 году Валентине Ивановне Царевой (фамилия по мужу) за долголетнюю и плодотворную работу по воспитанию молодежи было присвоено по-

чётное звание «Заслуженной учительницы школы Абхазской АССР». Она, будучи человеком большого трудолюбия, чести и исключительного такта в общении с людьми, стала многоопытным и уважаемым педагогом, учительницей младших классов,

Валентина Ивановна, проживая ещё в с. Гульрипш, в 1935 году познакомилась с Кириллом Никитичем Царёвым, работавшим тогда техником-строителем в том же селе и вскоре вышла за него замуж.

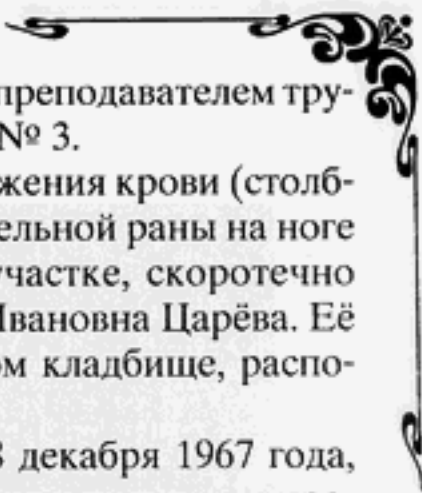
От совместного брака у них 28.03.1936 года в с. Гульрипш родилась дочь – Наталья Кирилловна Царёва.

В начале 1940 года семья Кирилла Никитича Царёва переезжает в г. Сухум и до завершения строительства своего дома по Учительскому проезду живёт в доме моего отца – Ильи Тимофеевича. В конце 1940 года семья Кирилла Никитича переезжает в свой ещё не полностью достроенный дом, где 22 марта 1943 года рождается Евгений Кириллович Царёв.

Во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. умирает Кирилл Никитич Царёв, и Валентина Ивановна, оставшись вдовой, до конца жизни одна воспитывает двух своих детей.

Её дочь Наталья по окончании Сухумской женской средней школы № 3 с золотой медалью поступает в Сухумский педагогический институт на физико-математический факультет, который не менее успешно заканчивает, получив красный диплом.

После окончания института Наталья Кирилловна работает по своей специальности в разных школах Сухума, зарекомендовав себя высококвалифицированным специалистом. Вскоре она выходит замуж за сухумца Ломия Нодара, имевшего политехничес-

кое образование и работавшего преподавателем труда в Сухумской средней школе № 3.

26 сентября 1967 года от заражения крови (столбняка), полученного от незначительной раны на ноге при работе на приусадебном участке, скоротечно умирает моя тётя – Валентина Ивановна Царёва. Её прах покоится на Михайловском кладбище, расположенном в пригороде Сухума.

Спустя несколько месяцев, 8 декабря 1967 года, на почве алкогольного отравления и получения кровоизлияния в мозг трагически уходит из жизни младший брат Натальи – Евгений (Женя), для которого мать была главной опорой в жизни. Его похоронили на том же Михайловском кладбище рядом с матерью. Семья же Ломия вскоре поселилась на постоянное жительство в дом Царёвых. Внешне Женя был очень интересным молодым человеком: высоким, стройным, блондином с красивыми чертами лица. По характеру он был очень добродушным и весьма дружелюбным. Его преждевременный уход из жизни стал лично для меня и всех родных и близких сильным ударом.

После прошедшей грузино-абхазской войны 1992–1993 гг. семья Ломия Нодара, по причине межэтнической неприязни и страха за будущее дочери Нонны и её детей с целью своего воссоединения вынуждена была продать свой дом в Сухуме и переселиться на постоянное место жительство в Краснодарский край (Курганинский район, станица Ново-Алексеевская, ул. Ленина, дом № 38). Об этом решении я узнал постфактум и очень о нем сожалею.

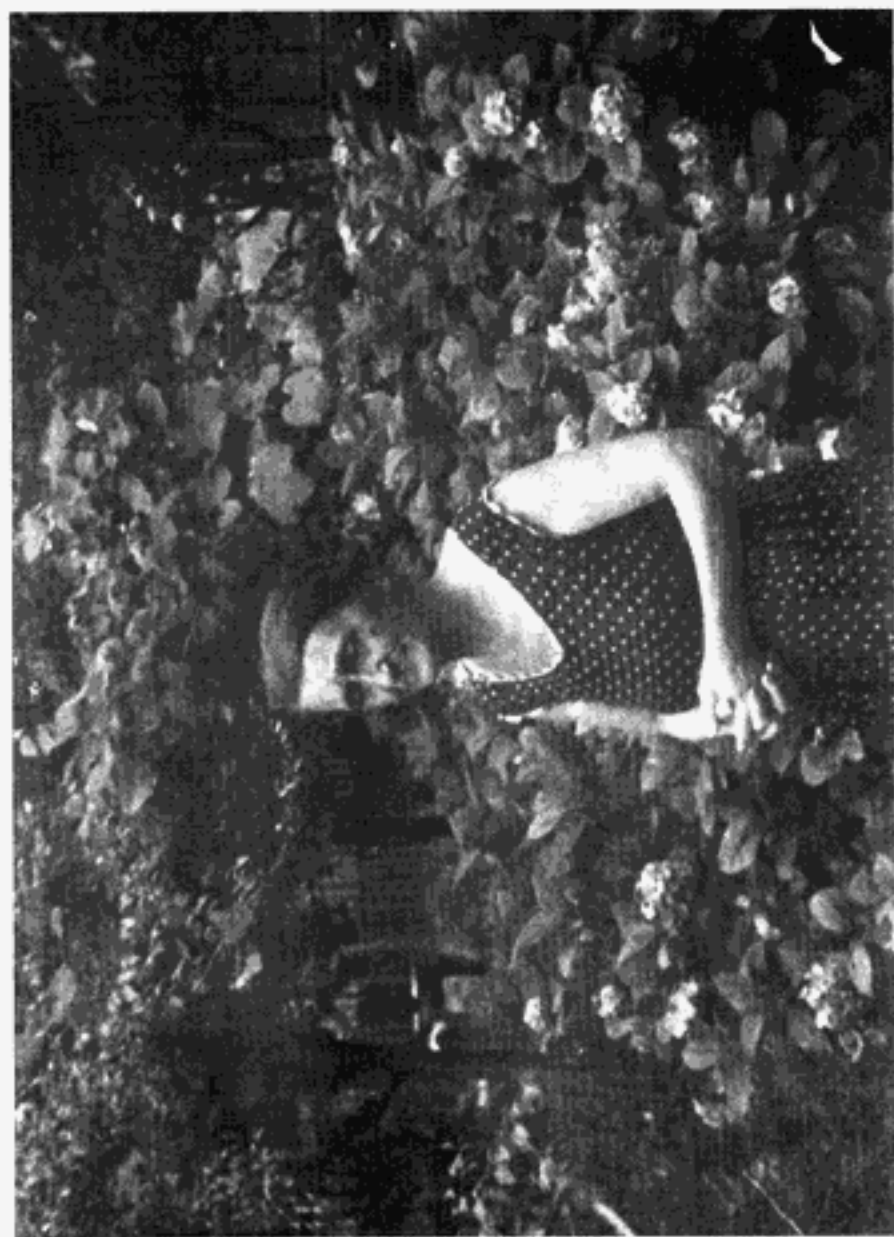

Отец семейства – Колбая Илья Тимофеевич

Счастливая бабушка. Сухуми, начало 60-х годов

Одиночество любимой мамы и бабушки

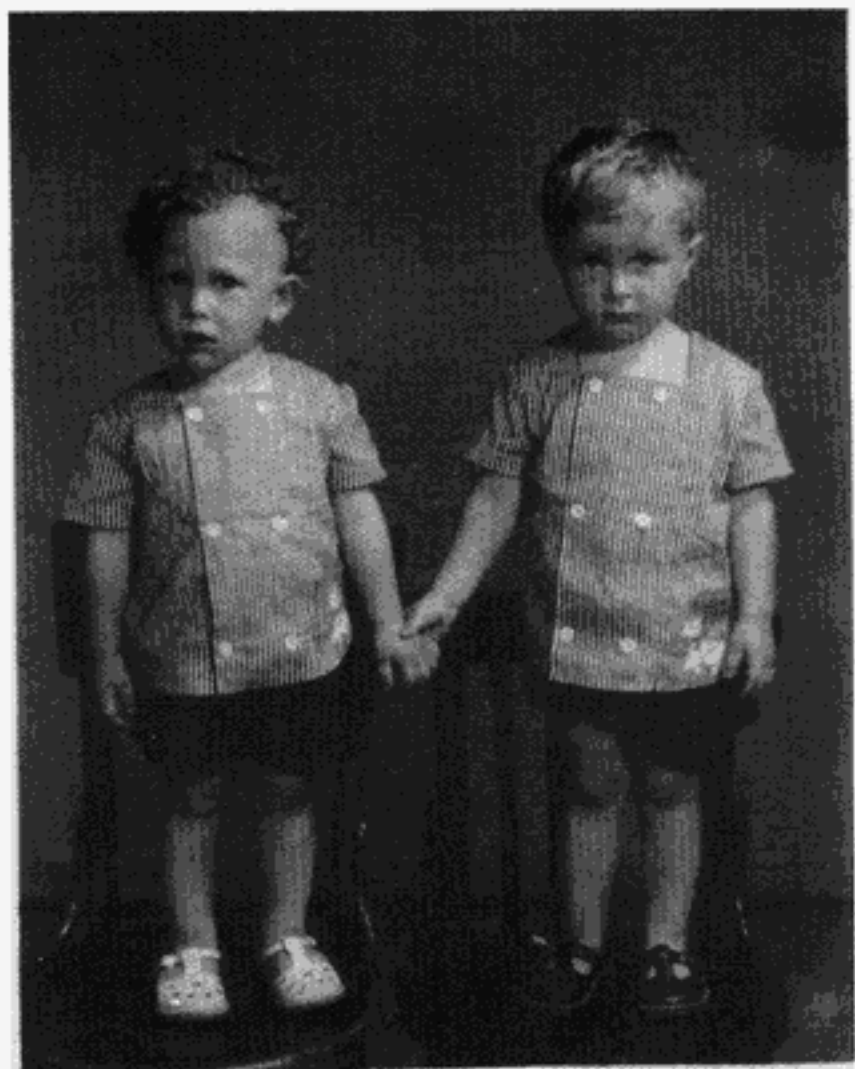

Счастливая семья у истоков рода Колбая. Середина 30-х годов

Во дворе родового дома на аллее с дочерью Надеждой.
Конец 50-х годов

Г. СУХУМИ
ДРИТЕЛ

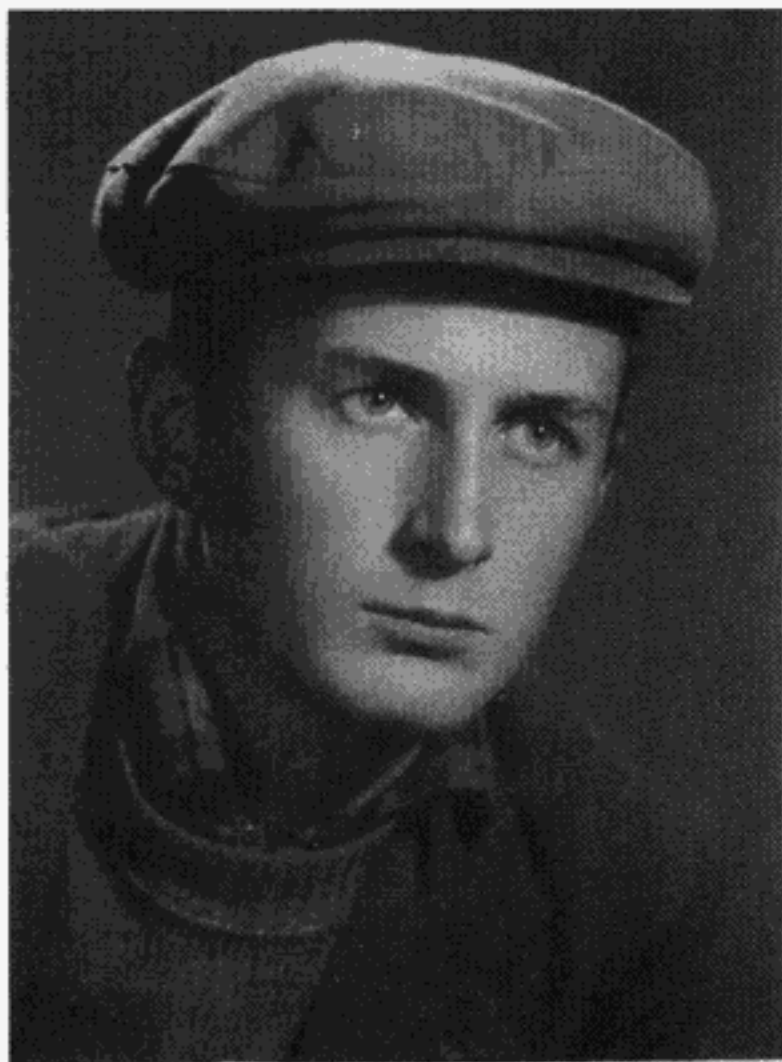
Первые внуки клана Колбая.
Слева – Дилик Зугдидский, справа – Вадик Сухумский.
Лето 1966 года

Сыновья. Первый ряд снизу: Игорь, Леонид.
Второй ряд: Анатолий и Александр

Игорь Сергеевич Запольский – старший сын Елизаветы Ивановны
– боевой офицер. Период Великой Отечественной войны

Младший сын Александр. Сухуми, начало 60-х годов

Старший сын Елизаветы Ивановны
и Ильи Тимофеевича – Леонид. Сухуми, 60-е годы

Старший сын Игорь Сергеевич Запольский,
заслуженный ветеран Второй мировой войны в День Победы.
Херсон, 1955 год

Колбая Елизавета – старший ребенок и первая дочь
Ильи Тимофеевича и Елизаветы Ивановны. 50-е годы

Дочь Елизавета и сын Анатолий. Сухуми, конец 40-х годов

Дочери. Первый ряд снизу: Елизавета, Ариадна, Тамара. Второй ряд: Надежда, Елена, Татьяна

Дочь Татьяна, внуки Агандил и Тамара Микава. Сухуми, 1976 год

Старшая внучка Лиана Микава и дочь Тамара во дворе дома на ул. Казбеги, 24. Лето 1974 года

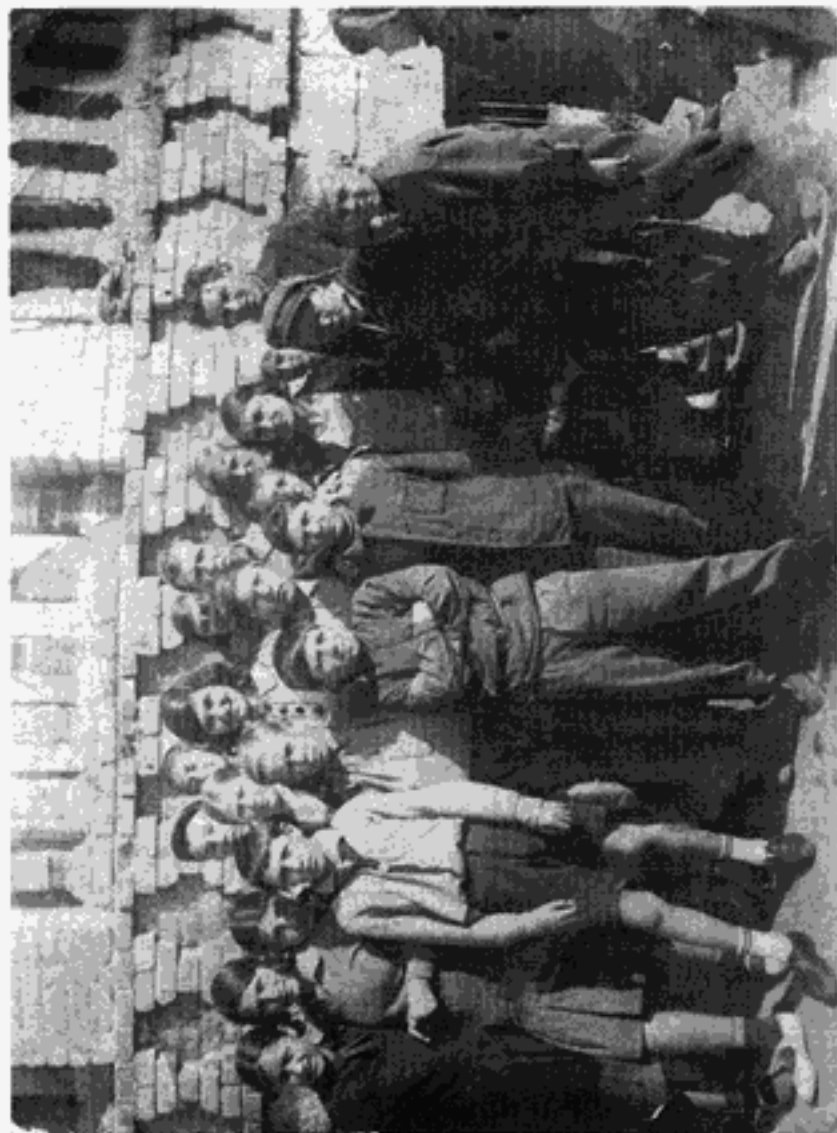
Во дворе «родового гнезда» на ул. Казбеги, 24.
Слева направо: Лиза Колбая, Серёжа Запольский, Автандил Микава, Диана Колбая. Лето 1980 года

Внучки бабы Лизы «сумумской градки» —
слева направо: Лиза Колбая, Яна Шакая, Саида Шакая, Оксана Колбая, Лето 1980 года

В «родовом гнезде» на ул. Казбеги, 24 на веранде за семейным столом.
Елизавета Ивановна во главе стола. Август, 1961 год

Елизавета Ивановна с маленькой Тamarой во дворе школы
в окружении учеников. 30-е годы

Представители «датской грядки». Слева направо: правнучка Таня Запольская, супруга правнука Сергея Запольского, Сергей Запольский, невестка – супруга внука Александра Игоревича Запольского Белла. Колленгаген, 2000 год

Внук Елизаветы Ивановны – известный мировой музыкант
Александр Игоревич Залозский с дочерью пианисткой Татьяной. Копенгаген, 2000 год

Внучки «сухумской грядки» во дворе родового дома на ул. Казбеги, 24.
Слева направо: Оксана Колбая, Динара Колбая, Саида Шакая на руках, Лиза Колбая,
Яна Шакая. Сухуми. Лето 1978 года

На крыльце дома, где любила вечерами отдыхать Елизавета Ивановна.
Слева направо: внучка Лиза Колбая, дочь Надежда Колбая, внучка Диана Колбая,
внук Автандил Микава, правнук Серёжа Запольский. Лето 1980 года

Сухумская набережная, 50-е годы.
Крайняя слева – дочь Елизавета в обществе комсомольцев-сухумчан

Наша семья. Подвиг Великой Матери

Рассказав о своих ближайших родственниках, перейду непосредственно к рассказу о своей матери и нашей семье.

Елизавета Ивановна училась в женской гимназии Томска до 4-го класса, после чего переехала к родным в Омск и продолжила учёбу в частной гимназии Эйноровича, где и окончила 7 классов.

«Когда наша мать была ещё совсем молодой гимназисткой в Томске, – пишет мой брат Игорь Сергеевич, – то её, безусловно, окружала молодёжь. В то время она вела личный дневник, куда вносили записи её поклонники». У меня случайно сохранилась личная записная книжка Анны Ивановны Мандрыко (урождённой Дмитриевой) – тети Елизаветы Ивановны и младшей сестры её матери. В ней помещены удивительные стихи её поклонников в юности. Эти стихи показались мне настолько прекрасными, что я счёл уместным привести их в тексте настоящего очерка. Одна из записей мне запомнилась на всю жизнь (мама мне её показывала в детстве):

Я Вас люблю, как бал в двенадцать,
Как выпускной прекрасный день,
Как перевод рублей на двадцать,
Как летом на манёврах тень.
Я звуку Вашему внимаю,
Его люблю и уважаю.
Я Вас люблю от всей души,
О, как вы чудны, хороши!

В 1918 году Елизавета Ивановна окончила 8-й класс 1-й Омской государственной женской гимназии, что давало право преподавать в начальных классах школы.

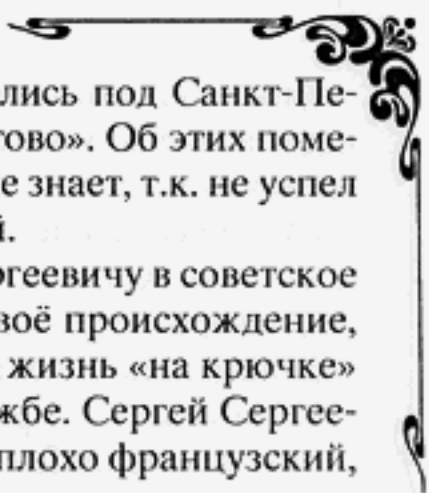
Крестным отцом Елизаветы Ивановны был некий Соболев – юрист по образованию.

Весной 1919 года Елизавета Ивановна выходит замуж за Запольского Сергея Сергеевича, гвардейского офицера, и вместе с мужем выезжает в город Усть-Каменогорск, где проживает до весны 1921 года. Весной того же года семья переезжает во Владивосток и поселяется в доме по ул. Всеволода-Сибирского, д. 29 (ранее она называлась ул. Светланская), затем на ул. Ленинской, д. 83.

Сам Сергей Сергеевич Запольский родился в 1885 году в г. Вильно (ныне г. Вильнюс) в Литве, в многодетной семье (13 человек) петербургского юриста, работавшего нотариусом. Сергей Сергеевич окончил Петербургский лесной институт, где получил звание ученого лесовода.

До гражданской войны Сергей Сергеевич носил другую фамилию – Федотов, которая принадлежала его родному отцу, но после разгрома белогвардейских войск Колчака, где он служил офицером, вынужденно сменил фамилию на «Запольский», которая являлась девичьей фамилией его матери.

Как информирует сын Сергея Сергеевича – Игорь, его бабка была польской татаркой, помещицей и жила в Вильно, земли которого в основном принадлежали Польше. Поместья бабки были под Вильно. Дед Игоря Сергеевича – Федотов был дворянин, помещик, по специальности адвокат. Он жил в Санкт-

Петербурге, а поместья находились под Санкт-Петербургом и назывались «Федотово». Об этих поместьях Игорь Сергеевич ничего не знает, т.к. не успел спросить о них своих родителей.

Естественно, что Сергею Сергеевичу в советское время приходилось скрывать своё происхождение, потому что он бы мог быть всю жизнь «на крючке» и ему не давали бы ходу по службе. Сергей Сергеевич хорошо знал польский и неплохо французский, которым пользовались люди его круга в институте, где он учился. Детство он провел у своей матери, а в юношеские годы переехал в Санкт-Петербург к отцу, где культура стояла выше, чем в Вильно. Образование, которое получил Сергей Сергеевич, окончив Лесотехнический институт, как полагает сын – Игорь, было необходимо ему как владельцу поместья.

Причина смены Сергеем Сергеевичем своей фамилии вполне понятна: он был постоянно преследуем органами НКВД, т.к. кроме своего «неблаговидного» дворянского происхождения, служил при жизни императора Николая II в его личной охране. В гражданскую войну воевал в армии генерала Каппеля, т.е. был белогвардейцем, и имел звание «поручик». (Каппель – это тот военачальник, который разгромил армию Чапаева, что показано в художественном фильме «Чапаев»).

По сведениям Елизаветы Ивановны, Сергей Сергеевич, будучи гвардейским офицером, служил в 1-м сводном Его Величества железнодорожном полку в 1914 году. В гражданскую войну Сергей Сергеевич был ранен в ногу и всю жизнь затем прихрамывал.

Все вышеупомянутое явилось также причиной частой смены места жительства семьи Сергея Сергеевича.

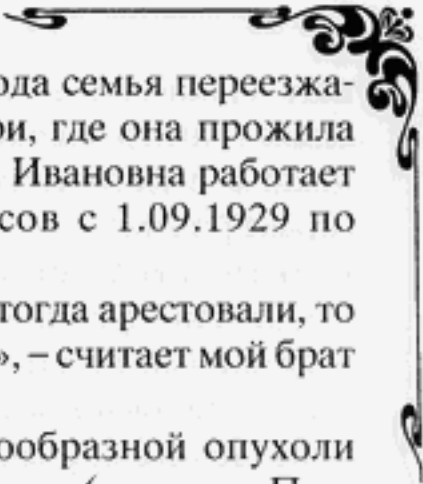
Когда семья проживала во Владивостоке, родилась дочь Ариадна (25 августа 1921 года), а 28 ноября 1922 года – сын Игорь. Крестной матерью Ариадны стала некая Мышковская Екатерина Васильевна (о которой ничего неизвестно). В этот период жизни Елизавета Ивановна занимается исключительно воспитанием своих детей и домашним хозяйством.

Сам же Сергей Сергеевич во Владивостоке работал преподавателем химии в мореходном училище до 1926 года.

В 1926 году вся семья Запольских переезжает на постоянное место жительства в Пятигорск и поселяется у тети Елизаветы Ивановны – Анны Ивановны Мандрыко, проживавшей по ул. Подвальной, д. 25 у вышеупоминавшихся Горбатовых.

По приезде в Пятигорск Сергей Сергеевич начинает работать директором 7-летней школы в станице Александровской Северо-Кавказского края (что под Пятигорском). В этой школе начинает работать учительницей труда и Елизавета Ивановна. Она обучает детей искусству кройки, шитья и аппликации, которым она в конце концов овладела в совершенстве (заштопанная ею вещь выглядела всегда как новая).

В 1929 году семья Запольских переезжает во Владикавказ (после 1931 года г. Орджоникидзе – столица Северной Осетии на реке Терек), где Сергей Сергеевич работал преподавателем нескольких предметов в средней школе. Однако здесь прожили они

недолго, так что к концу 1929 года семья переезжает в Абхазию, в город Очамчири, где она прожила всего один год. Здесь Елизавета Ивановна работает учительницей младших классов с 1.09.1929 по 1.09.1930 года.

«Если бы Сергея Сергеевича тогда арестовали, то его, безусловно, расстреляли бы», – считает мой брат Игорь.

28 ноября 1929 года от ракообразной опухоли желудка умирает Сергей Сергеевич (во время Первой мировой войны русские войска захватили оставленную немцами муку. После её употребления выяснилось, что мука была смешана с измельчённым стеклом и другой примесью. В результате весь взвод, кроме 2 человек, вымер от перитонита, а Сергей Сергеевич всю жизнь затем болел желудком).

В городе Очамчири семья Запольских проживала в доме Ильи Тимофеевича Колбая, который тогда жил со своей первой женой Екатериной Васильевной Джгушия и приёмным сыном – Юрием. (Впоследствии Екатерина Васильевна стала Заслуженной учительницей школы Грузинской ССР и была награждена орденом Ленина, а её сын Юрий Ильич признан Заслуженным учителем школы Абхазской АССР.)

Весной 1930 года после кончины мужа Елизавета Ивановна возвратилась в Пятигорск и продолжила работу в Школе колхозной молодежи в пригороде Пятигорска, где проработала с 1 октября 1931 года по 15 октября 1932 года.

В 1930 году Илья Тимофеевич Колбая после развода с женой приезжает в Пятигорск и делает Елизавете Ивановне предложение о замужестве. Елиза-

вета Ивановна вторым браком выходит замуж за Илью Тимофеевича Колбая.

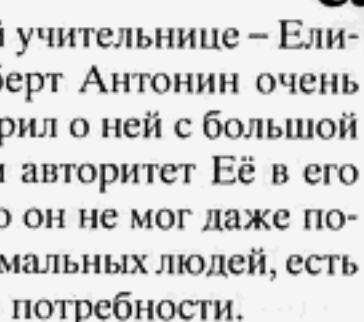
От совместного брака 9 ноября 1931 года в Пятигорске рождается дочь Елизавета Ильинична Колбая.

В 1932 году по настоянию Ильи Тимофеевича Елизавета Ивановна вместе с дочерью Елизаветой и старшими детьми Ариадной и Игорем переезжают на постоянное место жительства в Сухум. По приезду они временно поселяются в доме преподавателя математики доцента Сухумского пединститута М.Т. Раннеффта по улице Курортной, где прожили всего несколько месяцев⁵¹.

В том же 1932 году семья Ильи Тимофеевича переселяется временно на жительство в здание Сухумской русской школы №1 (школа располагалась по ул. 4-го марта) на верхний этаж с балконом, где занимает одну комнату. Эту комнату ранее занимала семья известного просветителя и государственного деятеля Абхазии – Андрея Максимовича Чочуа. Он любезно уступил семье Ильи Тимофеевича эту комнату, сохранив за собой остальные.

Живя рядом, бок о бок, интеллигентные семьи крепко сдружились и эта искренняя и верная дружба продолжалась всю последующую жизнь, несмотря на весьма непростые политические события, происходившие в Абхазии.

В том же 1932 году Илья Тимофеевич Колбая назначается директором Сухумской русской 7-летней школы №1 (то есть той школы, в здании которой временно стала проживать его семья). Там же начала свою работу в качестве учительницы начальных классов Елизавета Ивановна.

Вспоминая о своей школьной учительнице – Елизавете Ивановне, сухумец Роберт Антонин очень часто при встрече со мной говорил о ней с большой любовью и уважением. Причём авторитет Её в его глазах был настолько высок, что он не мог даже подумать, что у Неё, как у всех нормальных людей, есть естественные физиологические потребности.

В период проживания в здании упомянутой школы 12.12.1934 года рождается дочь Тамара, а 25.02.1936 года – дочь Татьяна.

В период нахождения в должности директора упомянутой школы Илья Тимофеевич не только ведёт большую организаторскую работу в ней, но и начинает строительство собственного жилого дома в ущелье реки Гориквары, получившей впоследствии название «Учительского проезда». Дом Ильи Тимофеевича находился в десяти минутах ходьбы от школы, где он работал.

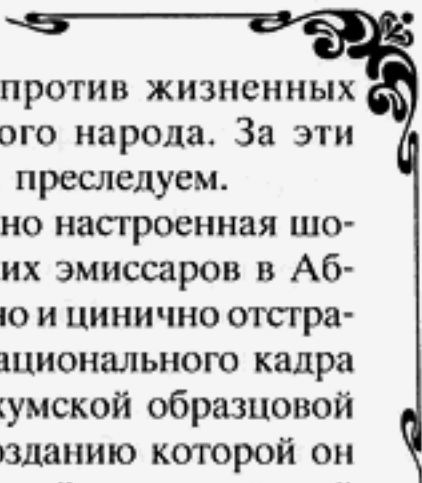
В июле 1937 года семья Ильи Тимофеевича Колбая переселяется в недостроенный ещё дом по Учительскому проезду, д. 240/3. Название этой улицы связано с тем фактом, что первыми поселенцами здесь были учителя, среди которых был Илья Тимофеевич Колбая. Причём именно Илья Тимофеевич был инициатором строительства проезжей дороги – булыжной мостовой, которой до строительства жилого дома Ильи Тимофеевича вовсе не существовало. Естественно, что тогда не могло быть самого названия улицы, которая вначале называлась просто «Ущелье р. Гориквары», так как проходила между двумя горами и у подножья одной из которых протекала упомянутая выше речка. Именно так назы-

валась эта дорога, когда в доме Ильи Тимофеевича 6 сентября 1939 года (т.е. спустя пять месяцев после моего рождения) умерла его мать Кристина (Джоллика) Зурабовна Сакания.

Затем в этом доме рождаются дети: Надежда (10.12.1937), Леонид (29.03.1939), Анатолий (6.04.1941), Александр (15.08.1944) и Елена (25.08.1947).

Вплоть до октября 1937 года в самый пик разгула сталинско-берьевского режима в Абхазии Илья Тимофеевич работал директором (он неоднократно получал первую республиканскую премию как лучший директор), а моя мать – Елизавета Ивановна – учительницей начальных классов Сухумской русской средней образцовой школы № 1. Эта школа под руководством Ильи Тимофеевича за выдающиеся успехи в учебно-воспитательной работе реорганизуется в полную среднюю и ей присваивается статус «образцовой». Сохранился даже групповой фотоснимок дирекции и педколлектива образцовой школы за 1934–1935 учебный год, с указанием всех фамилий и инициалов.

Однако же большие успехи в работе талантливого организатора, многоопытного и энергичного директора – энтузиаста и новатора просвещения Ильи Тимофеевича далеко не всем приходились по душе. Главной же причиной тому явились некоторые его взгляды и убеждения, принципиально отличные от взглядов официальных эмиссаров из Тбилиси, узурпировавших власть в Абхазии, относительно гнетущих сознание политических процессов, происходивших тогда здесь под сталинско-берьевским руковод-

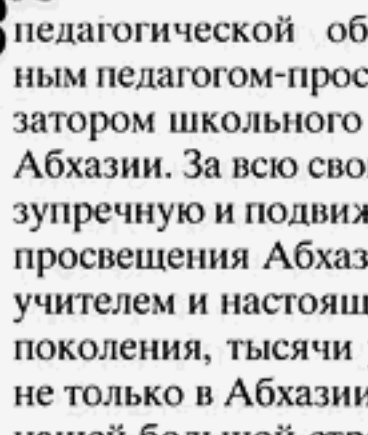

ством, идейно направленных против жизненных интересов коренного абхазского народа. За эти взгляды Илья Тимофеевич был преследуем.

В октябре 1937 года агрессивно настроенная шовинистическая власть тбилисских эмиссаров в Абхазии совершенно необоснованно и цинично отстраняет Илью Тимофеевича как национального кадра от обязанностей директора Сухумской образцовой русской средней школы №1, созданию которой он посвятил все свои знания, большой опыт, кипучий энтузиазм и энергию, выдающийся организаторский талант. Его профессиональная деятельность и достижения, несомненно, стали заметным явлением в развитии школьного дела, постановке обучения и воспитания молодого поколения Абхазии.

Но, несмотря ни на что, Илья Тимофеевич не пал духом – рядом с ним был умный, сильный духом и верный друг – его супруга Елизавета Ивановна. Последующие годы Илья Тимофеевич работает в ряде школ города Сухума и, в частности, в должности директора 8-й неполной средней школы с 25.09.1939 по 1.09.1945 годы, а также учителем русского языка и литературы в 12-й, 4-й и 3-й мужской средних школах, а с 1.09.1948 года и до последних дней своей жизни – завучем Сухумской 3-й женской средней школы (где директором была Динара Леонтьевна Кучулория).

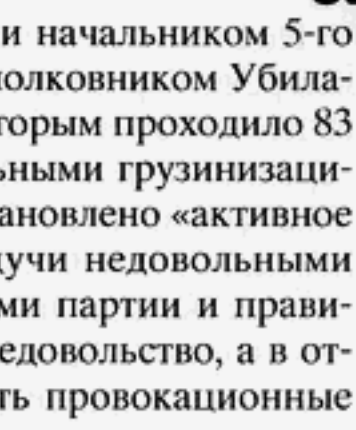
Своей активной гражданской позицией, высоким энтузиазмом и работоспособностью, необычайно большой любовью к своей профессии и впечатляющими успехами в организаторской работе Илья Тимофеевич все больше привлекает к себе внимание

педагогической общественности, становится видным педагогом-просветителем, выдающимся организатором школьного дела и общественным деятелем Абхазии. За всю свою 47-летнюю непрерывную, безупречную и подвижническую деятельность на ниве просвещения Абхазии он поистине стал Народным учителем и настоящим Педагогом, воспитав многие поколения, тысячи учеников, успешно работавших не только в Абхазии, но и на необъятных просторах нашей большой страны.

Причём именно в этот период, т.е. с 1938 года (когда Абхазия фактически была обезглавлена физическим устранением выдающихся политических лидеров абхазского народа, таких, как Нестор Лакоба, Ефрем Эшба, Николай Акиртава и др.), практической реализации переселенческой политики, начинается новый виток уже тотальной, циничной и последовательной грузинизации Абхазии и её коренного абхазского народа, что вполне естественно не могло не вызвать в нём недовольства, особенно среди передовой интеллигенции.

За Ильёй Тимофеевичем, как и за рядом других видных представителей абхазской интеллигенции, отличавшихся своими политическими взглядами от взглядов тбилисских эмиссаров, устанавливается «жесточайшее агентурное наблюдение» как «над антисоветски, буржуазно-националистически настроенным элементом». Под грифом «совершенно секретно» на имя первого секретаря Абхазского обкома КП Грузии А.И. Мгеладзе сохранились две справки агентурных материалов, составленных начальником 2-го отдела НКГБ Абхазии майором Ка-

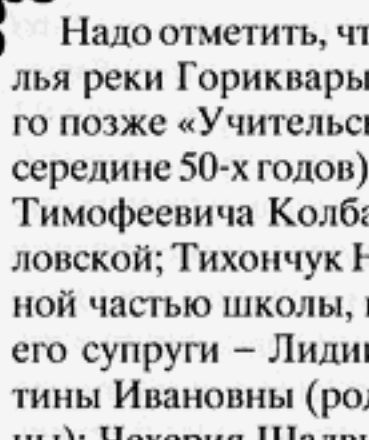

куевым от 25 января 1946 года и начальником 5-го отдела МТБ Абхазской АССР полковником Убилава от 7 декабря 1946 года, по которым проходило 83 человека, за кем, как «недовольными грузинизацией абхазов в Абхазии», было установлено «активное агентурное наблюдение». «Будучи недовольными вышеуказанными мероприятиями партии и правительства, они стали выражать недовольство, а в отдельных случаях распространять провокационные слухи и вести антисоветские разговоры...», – говорится в этих циничных документах.

Историк И.Р. Марыхуба в послевоенное время Абхазии (то есть войны 1992–1993 гг.) опубликовал поимённый список тех абхазов, которые дважды указаны в упомянутых выше двух справках, среди которых значится имя моего отца – Колбая Ильи Тимофеевича⁵².

По злой иронии судьбы, упомянутый выше бывший начальник 2-го отдела НКГБ Абхазии Какуев Л., в конце 50-х – начале 60-х годов квартировал со своей женой Валентиной (бывшей официанткой ресторана) в доме Ильи Тимофеевича по ул. Казбеги. О его «геройствах» ни наша Мать, ни мы – дети, естественно, ничего не могли знать.

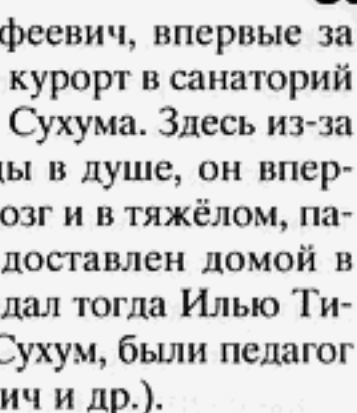
Будучи уже взрослым, от своей Матери я неоднократно слышал гневные слова осуждения в адрес душегуба Иосифа Сталина, которого Она ненавидела всеми фибрами своей души за те многочисленные репрессии и страдания, которые он принёс советскому народу, в том числе и малочисленному – абхазскому, тяжело отразившиеся на всей его дальнейшей исторической судьбе.

Надо отметить, что среди первых поселенцев ущелья реки Гориквары в 30-х годах XX века названного позже «Учительским проездом», а затем (где-то в середине 50-х годов) – ул. Казбеги, кроме семьи Ильи Тимофеевича Колбая, жили и семьи учителей: Берловской; Тихончук Николая Николаевича (зав. учебной частью школы, где директором был мой отец) и его супруги – Лидии Николаевны; Царевой Валентины Ивановны (родной сестры Елизаветы Ивановны); Чехерия Шалвы Петровича; Шелегия Дмитрия Несторовича и др. (всех уже не помню), многих из которых Илья Тимофеевич лично сагитировал на строительство здесь своих жилых домов, давая им практические советы по этому поводу.

Причём, если мой отец – Илья Тимофеевич был инициатором строительства первой булыжной мостовой по Учительскому проезду, то мне было суждено проложить по той же улице канализацию и асфальтировать её в конце 70-х годов прошлого века, когда я работал начальником Коммунального Управления Исполкома Сухгорсовета н/д (1975–1980 гг.).

Надо отметить, что дом моих родителей всегда, во все времена, был полон гостей. Двери ни при каких обстоятельствах и никогда, круглые сутки, не закрывались. Этот двухэтажный с оригинальной архитектурой дом, его большой уютный и красивый двор были местом постоянного духовного притяжения многочисленных друзей, как моих личных, так и моих братьев и сестёр. Можно сказать, что наш дом был что-то вроде дежурной школы, где всегда было много детей, находившихся под присмотром моих родителей и других, старших по возрасту его обитателей.

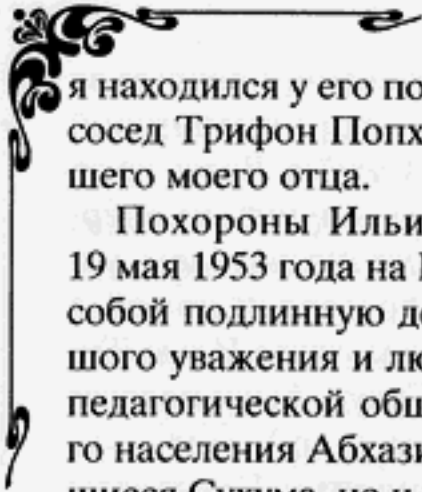
Летом 1949 года Илья Тимофеевич, впервые за многие годы, по путёвке едет на курорт в санаторий в Новый Афон, что недалеко от Сухума. Здесь из-за резкой смены температуры воды в душе, он впервые получил кровоизлияние в мозг и в тяжёлом, парализованном состоянии был доставлен домой в Сухум (среди тех, кто сопровождал тогда Илью Тимофеевича из Нового Афона в Сухум, были педагог Мосальский Борис Владимирович и др.).

Большими стараниями и усилиями Елизаветы Ивановны Илья Тимофеевич постепенно выкарабкивается, хотя некоторые остаточные признаки перенесенной тяжелой болезни продолжали сказываться на протяжении всей последующей его жизни.

Жить без любимой им работы Илья Тимофеевич не мог, и он возвратился на работу в Сухумскую русскую 3-ю женскую среднюю школу, где продолжал работать в должности заведующего учебной частью, достигнув пенсионного возраста, до последних дней жизни.

В 1939 году Илье Тимофеевичу, одному из первых учителей Абхазии, было присвоено почётное звание Заслуженного учителя школы Грузинской ССР, а Указом Президиума Верховного Совета СССР от 2.03.1949 года он награждается орденом Ленина.

Однако уже 15 мая 1953 года, на 67-м году жизни, после непродолжительной тяжелой болезни (вторичного кровоизлияния в мозг и восьмисуточной борьбы за жизнь) Илья Тимофеевич Колбая, не приходя в сознание, скончался в своём доме в окружении своих родных и близких. В этот трагический момент

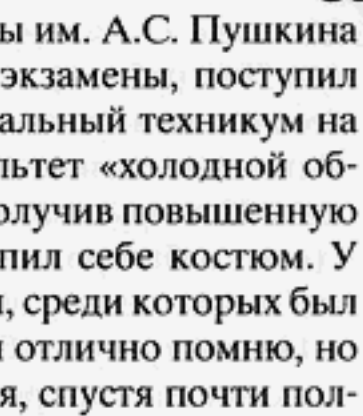
я находился у его постели. И я лично видел, как наш сосед Трифон Попхадзе закрыл веки навечно усопшего моего отца.

Похороны Ильи Тимофеевича, состоявшиеся 19 мая 1953 года на Михайловском кладбище, явили собой подлинную демонстрацию искреннего, большого уважения и любви, которые снискал он среди педагогической общественности и многочисленного населения Абхазии. Не только все учителя и учащиеся Сухума, но и люди практически со всех районов Абхазии, где он некогда работал, прибыли, чтобы попрощаться и проводить Илью Тимофеевича в последний путь. Было невероятное множество живых цветов и венков. Весь Учительский проезд, где располагался дом Ильи Тимофеевича, был полон людьми, пришедшими с ним проститься и проводить в последний путь.

Именно в те незабываемые мной трагические майские дни 1953 года, дни прощания с отцом, почувствовав и поняв невероятную тяжесть утраты, я как-то сразу же повзрослел.

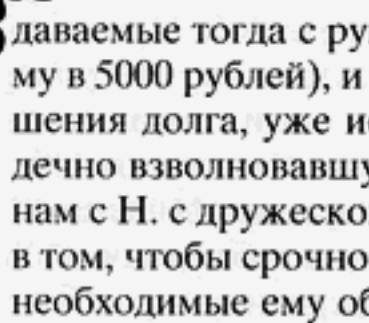
Сразу же после ухода из жизни Ильи Тимофеевича, некоторые родственники, видя тяжёлое материальное положение, в котором оказалась наша Мать с восемью несовершеннолетними детьми, в деликатной форме предлагали Ей отдать им на воспитание кого-либо из своих детей. И я хорошо помню, как на это гневно и категорично отреагировала наша Мама, заявив им, что об этом не может быть и речи!

На следующий год после смерти моего отца, в 1954 году, когда мне уже исполнилось 15 лет, по решению моей Матери, я, окончив 8 классов Сухумской

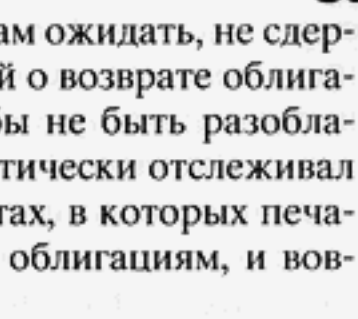
русской мужской средней школы им. А.С. Пушкина и отлично сдав вступительные экзамены, поступил на учёбу в Сухумский индустриальный техникум на механическое отделение, факультет «холодной обработки металлов резанием». Получив повышенную стипендию, вскоре впервые купил себе костюм. У меня появились новые приятели, среди которых был некий Борис М. (фамилию его я отлично помню, но не считаю нужным даже сегодня, спустя почти полвека, называть. Скажу только то, что он был родом из села Кутол Очамчирского района). С ним я познакомился в техникуме. В первый же год моей учёбы в техникуме в связи с упомянутым человеком со мной произошёл такой нехороший случай, который оставил во мне грустные воспоминания на всю жизнь. Причём случай этот весьма поучительный для молодых, поэтому я и решился здесь рассказать о нём.

Уже в то время у меня был ближайший друг детства по имени Н. (его полное имя я также не хочу называть, т.к. у него есть родные, которые представили в этой истории не с положительной стороны), которого я очень любил за его добродушный и бескорыстный характер и который вместе со мной познакомился с упомянутым выше Борисом. Так вот, однажды этот Борис рассказал нам, то есть мне и моему другу Н., свою тревожную и нешуточно взволновавшую нас историю о том, как его преследуют некие знакомые лица, угрожая расправой за то, что он задолжал им облигации внутреннего государственного народнохозяйственного займа СССР (не трехпроцентные – «золотые», обменивавшиеся в сбербанках по номинальному курсу, а простые, про-

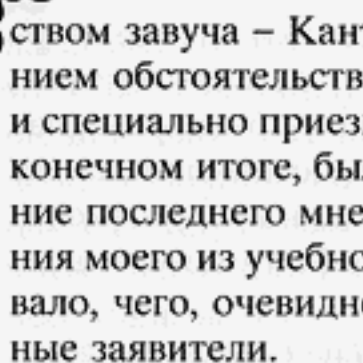
даваемые тогда с рук по курсу 10 к 1 на общую сумму в 5000 рублей), и все сроки, данные ему для погашения долга, уже истекли. Рассказав эту чистосердечно взволновавшую нас историю, он обратился к нам с Н. с дружеской просьбой оказать ему помощь в том, чтобы срочно достать на определённое время необходимые ему облигации на указанную сумму.

Не на шутку озабоченный тревожной ситуацией, сложившейся вокруг нашего нового приятеля, я, чистосердечно рассказав своей Матери обо всём, наконец, решил обратиться к Ней с соответствующей просьбой, потому что у Нее, как мне было хорошо известно, были облигации на необходимую сумму, которые всегда хранились в общедоступном месте. Однако моя Мать, будучи опытным в жизни человеком, в отличие от меня, сразу же поняв наличие явного подвоха в этой истории, категорически отказала в удовлетворении моей просьбы. Я никогда из дома ничего не брал без разрешения, но, даже если бы я и решился на такой поступок, то вскоре неминуемо был бы разоблачён, что я прекрасно понимал. Я объяснил сложившееся положение дел своему другу Н., и последний сообщил мне, что у его бабушки с дедушкой, у которых он фактически постоянно жил с самого детства, есть аналогичные облигации. И после недолгих рассуждений созрело решение временно позаимствовать необходимую сумму облигаций, причём тайно, чтобы не получить ещё один отказ. Это решение (которое затем было полностью отнесено на мою совесть) было оперативно осуществлено, и взятые нелегально облигации были сразу же переданы упомянутому выше Борису. Шло

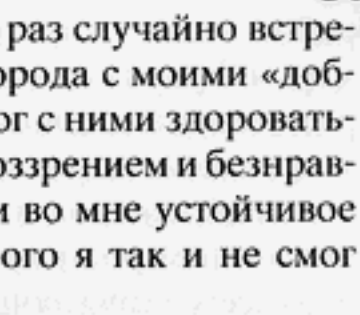
время, Борис, как и следовало нам ожидать, не сдержал своих клятвенных обещаний о возврате облигаций в договорный срок. И, дабы не быть разоблаченным у себя дома, Н. систематически отслеживал ситуацию с облигациями в газетах, в которых печатались таблицы выигрышей по облигациям, и вовремя их прятал.

Наш должник, наконец, исчез из поля зрения вообще, и тревожное наше положение с каждым днём становилось всё более угрожающим. В один «прекрасный» день мой друг Н. не успел припрятать полученную по почте очередную газету с официальной таблицей выигрышей по облигациям займа, и вся эта грустная для нас с другом история раскрылась. Мать моего друга Н., давно уже оставившая на полное попечение своих родителей сына, жила рядом, отдельно, во вновь построенном рядом с домом родителей доме, вместе с отчимом и их совместными детьми. Разразился нешуточный скандал: после всех неллицеприятных дознаваний, разговоров, грязных домыслов, обвинений и оскорблений по моему адресу со стороны матери и отчима (который работал тогда в торговой сети и, как видно, никак не мог простить нам и мне, в частности, «такого убытка») моего друга Н., эти блюстители «высокой» нравственности, а по сути своих шкурных интересов, сразу же донесли обо всём случившемся в дирекцию учебного заведения, куда я только что успел поступить учиться, представив меня там совсем не в лучшем свете. После назначения директором Александром Ивановичем Микалзе специальной комиссии из членов педагогического совета (под председатель-

ством завуча – Кантария), которая занялась изучением обстоятельств имевшего место происшествия и специально приехавшая в дом, где я жил, дело, в конечном итоге, было вынесено на педсовет. Решение последнего мне точно неизвестно, но исключения моего из учебного заведения всё же не последовало, чего, очевидно, добивались крайне озлобленные заявители.

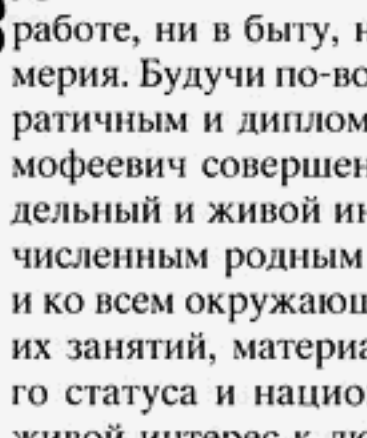
В 1958 году я успешно закончил учёбу в Сухумском индустриальном техникуме, начал работать, а уже в 1959 году, не без помощи профессора Симона Ивановича Чочия, поступил на заочное отделение Грузинского института субтропического хозяйства на факультет механизации, который располагался в пригороде Сухума, в районе Келасури. Спустя год, я, дополнительно сдав необходимые экзамены по предметам, перевёлся на учёбу в Харьковский институт инженеров коммунального строительства на факультет городского электрического транспорта, который не менее успешно окончил в 1965 году. Затем всю последующую жизнь работал в городе Сухуме на разных ответственных должностях. Однако в моей памяти навечно осталась та тяжкая обида, которую мне, по своей крайней неразборчивости и недомыслию, нанесли люди, для которых материальные ценности фактически оказались важнее тех духовно-нравственных мотивов поведения ещё очень молодого, наивного и совершенно неопытного в жизни человека. Ведь, в сущности, лично у меня, как и у моего друга Н., в этом деле не было абсолютно никаких корыстных побуждений, чего так и не смогли и, очевидно, не хотели понять материально «по-

страдавшие». Затем, множество раз случайно встречаясь в общественных местах города с моими «доброхотами», я не хотел, да и не мог с ними здороваться. Они своим ущербным мировоззрением и безнравственным поведением вызывали во мне устойчивое чувство брезгливости, от которого я так и не смог избавиться.

В связи с упомянутым случаем я часто задумываюсь: если был бы жив тогда уважаемый мой отец, посмели бы эти нравственно ущербные люди так бессовестно обойтись со мной? Вряд ли. Но зато я хорошо помню, что от своей Матери, которая, конечно же, всё прекрасно поняла тогда, я не услышал серьёзных упрёков.

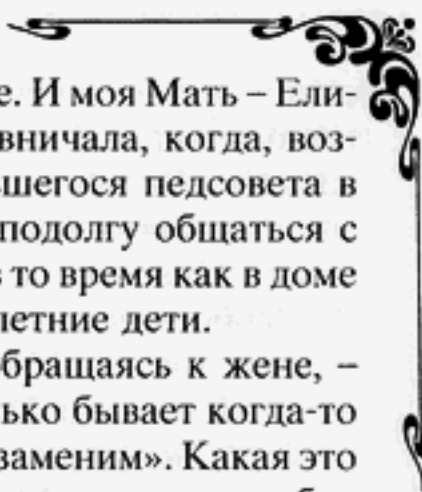
Надо отметить, что мой отец – Илья Тимофеевич по своей природе был не только высокоодарённым педагогом, но и очень открытым, коммуникабельным и доброжелательным человеком, обладавшим невероятно большим «полем притяжения». К нему как грамотному и опытному человеку всегда стремились за советом простые люди. Его безграничная любовь не только к своей профессии – педагогике, являвшейся делом всей его жизни, но и к людям вообще, не может вызвать никаких сомнений. Его патриотизм и неиссякаемый энтузиазм были просто неподражаемы. Причём он очень любил делиться со всеми своими коллегами профессиональными знаниями, а с окружающими людьми – жизненным опытом и всегда в очень тактичной форме давал те или иные советы, помогая исправлять допущенные ими ошибки. И несмотря на высокий авторитет в обществе, у Ильи Тимофеевича в отношениях с людьми, ни на

работе, ни в быту, никогда не было и тени высокомерия. Будучи по-восточному мудрым, очень демократичным и дипломатичным по природе, Илья Тимофеевич совершенно одинаково проявлял неподдельный и живой интерес не только к своим многочисленным родным и родственникам, коллегам, но и ко всем окружающим вообще, независимо от рода их занятий, материального положения, социального статуса и национальной принадлежности. Его живой интерес к людям и интернационализм были естественными и примерными.

Надо отметить, что Илья Тимофеевич, будучи филологом, не только хорошо знал русских классиков, в совершенстве овладел русским языком, грамматикой, орфографией и пунктуацией, но и обладал феноменальной способностью: при написании деловых писем и отчётов он никогда не пользовался черновиками, а сразу всё писал начисто. На это впервые обратил моё внимание его коллега, сородич и однофамилец – Колбая Николай Дмитриевич, с кем я познакомился и подружился в 80-х годах, когда он со своей женой – Русико, достигнув уже почтенного возраста, проживал в Сухуме, в 1-м переулке ул. Чанба, д. 4. Между прочим, Николай Дмитриевич, хотя и не владел абхазским языком, но прекрасно знал и говорил лично мне о своих абхазских национальных родо-племенных корнях.

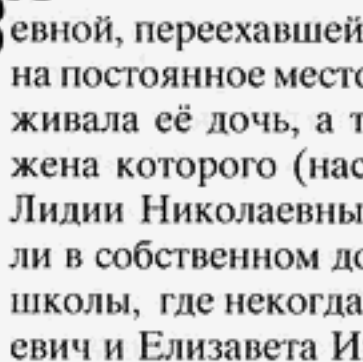
Нужно отметить, что при встрече со знакомыми Илья Тимофеевич, будучи очень традиционным, никогда не мог, поздоровавшись, просто пройти мимо, не поинтересовавшись их делами и здоровьем. При необходимости он мог долго с ними общаться, нахо-

дя в этом истинное удовольствие. И моя Мать – Елизавета Ивановна – обычно нервничала, когда, возвращаясь домой после состоявшегося педсовета в школе, Илья Тимофеевич мог подолгу общаться с каждым встречным знакомым, в то время как в доме находились ещё несовершеннолетние дети.

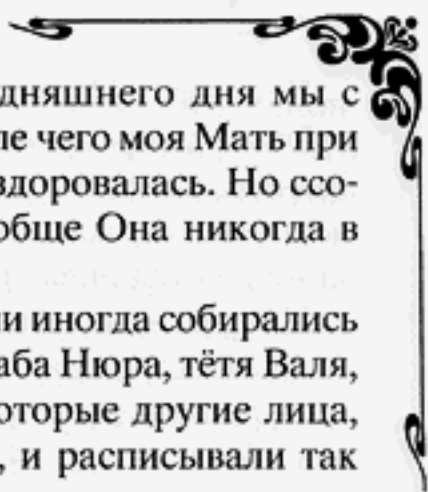
«Лиза, – говорил тогда он, обращаясь к жене, – каждый человек в жизни не только бывает когда-то крайне необходим, но даже и незаменим». Какая это прописная истина, которую мы, люди, часто забываем! Апофеозом всей подвижнической деятельности Ильи Тимофеевича Колбая стало увековечение его памяти как видного педагога-просветителя и общественного деятеля присвоением его имени общеобразовательной средней школе в Абхазии⁵³.

Нашими ближайшими соседями были: семья педагога Чехерия Шалвы Петровича с его женой Екатериной и двумя детьми – Ламарой и Петром; семья автомеханика Петерсон Валентина Ивановича с его женой Евгенией, тещей – Зоей Андреевной и детьми – Юрием и Ларисой; семья капитана милиции Канкава Николая с его женой Ольгой, детьми – Хумпу, Геде, Зауром и Ольгой; семья Гургенидзе Варлама (профессионального кровельщика) с его женой, детьми – Иродионом и Девно; семья Попхадзе Трифона с женой Аграфеной, сыновьями Нодаром и Анзором, жившими в доме напротив и переехавшими на постоянное место жительства в 60-х годах в Тбилиси и др. Со всеми соседями у моей матери были исключительно хорошие отношения. Однако в приятельских отношениях Елизавета Ивановна была только с учительницей Тихончук Лидией Никола-

евной, переехавшей в конце 50-х – начале 60-х годов на постоянное место жительства в г. Одессу, где проживала её дочь, а также с семьей врача Курасова, жена которого (насколько я помню) была сестрой Лидии Николаевны Тихончук и которые проживали в собственном доме на ул. 4 марта, недалеко от школы, где некогда работали и жили Илья Тимофеевич и Елизавета Ивановна,

Мне запомнился один случай, который рассказала мне сама моя Мать: почти напротив нашего жилого дома жили две родные незамужние сестры. Они были уже немолоды, их звали Рая и Женя (их отчество я не помню). Первая из них работала в Сухуме на главпочте, а другая – не знаю где. Обе они отличались крайним любопытством и буквально ловили идущих навстречу соседей, чтобы расспросить их обо всех личных делах в подробностях, вплоть до того, что они ели сегодня и т.п. При этом эти сестры могли иногда так демонстративно отвернуться от встречного, не поздоровавшись, что тот недоумевал: в чём дело? Именно такое поведение имело место со стороны упомянутых сестёр в отношении моей Матери. Но, несмотря на безупречную выдержку, моя Мать не была бы исконно русским человеком, если бы на такой демарш не отреагировала соответственно. (Кавказцы же, в силу их психологии и менталитета, так прямолинейно практически никогда не поступают). После очередной их выходки при встрече с отворотом головы в сторону, моя Мать прямо, без обиняков им заявила: если вы чем-то недовольны и обижены на меня, то прямо так и скажите. А если вы просто не хотите со мной здороваться, да-

вайте договоримся, что с сегодняшнего дня мы с вами здороваться не будем. После чего моя Мать при встрече с ними уже никогда не здоровалась. Но ссориться, ругаться с кем-либо вообще Она никогда в жизни не позволяла себе.

Летними сухумскими вечерами иногда собирались в узком кругу преферансисты: баба Нюра, тётя Валя, мой старший брат Игорь и некоторые другие лица, имён которых я уже не помню, и расписывали так называемую «пульку».

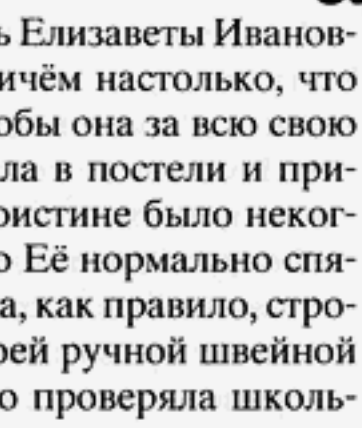
Мы же, дети, часто бывали в доме Царёвых по разному поводу, где к нам, детям Ильи Тимофеевича и Елизаветы Ивановны, всегда и неизменно относились с любовью и вниманием. Я особенно хорошо помню новогодние праздники, когда нам дарили подарки, а благословенная баба Нюра никогда не забывала о наших именинах и всегда делала приятные сюрпризы.

Сама Елизавета Ивановна была среднего роста, стройна, со светло-серыми глазами, тонкими чертами лица, волевым подбородком, шатенкой с гладкими волосами, неизменно строгой прической, уверенной поступью и гордо посаженной головой. Её всегда отличали: большая выдержка, исключительное самообладание, естественная скромность и тактичность в общении со всеми людьми. Причём в своих нравственных принципах она всегда была непоколебима. Её психология и менталитет – исконно русской женщины, получившей нравственное воспитание и духовную закалку в среде дореволюционной русской интеллигенции, прошедшей через гимназическое образование.

Елизавета Ивановна никогда не курила, не употребляла спиртного и не выражалась нецензурной бранью, так что создавалось впечатление, что о ней ей ничего не известно вообще. Причём Она никогда не разговаривала громко и тем более грубо.

Искусство кройки и шитья у Елизаветы Ивановны было высочайшим. Она обшивала практически всех своих детей и даже супруга. Меня, например, она обшивала до 14 лет, пока я, по её решению, отлично выдержав вступительные экзамены, не поступил на учёбу в Сухумский индустриальный техникум в 1954 году и, получив повышенную стипендию, впервые купил себе костюм. А когда в техникуме проводился фестиваль (отголосок Всемирного фестиваля молодежи и студентов 1957 года, проводившегося в Москве, в котором приняла участие моя сестра Татьяна в составе делегации из 3 человек от Абхазии), то моя Мать специально для меня сшила и художественно разукрасила такой мексиканский костюм (вместе с великолепной широкополой чёрной с красивым орнаментом шляпой), что ей мог бы позавидовать любой многоопытный портной-профессионал.

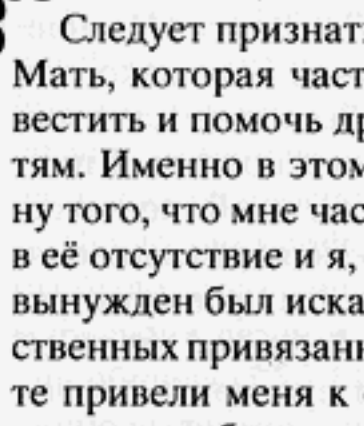
Именно в этот период моя Мать познакомилась с моей учительницей бальных танцев (кружок которых я посещал при Сухумском индустриальном техникуме, где тогда учился) – хореографом Екатериной Павловной Гореловой. Они, как интеллигентные люди, быстро нашли общий язык, и затем Екатерина Павловна, любя мою Мать, неоднократно бывала в гостях в нашем доме. Между прочим, она неплохо знала и французский язык, который я изучал в общеобразовательной школе.

Неутомимость и энергичность Елизаветы Ивановны были просто уникальны, причём настолько, что я не припомню даже случая, чтобы она за всю свою жизнь когда-либо болела, лежала в постели и принимала лекарства. Болеть Ей поистине было некогда! Более того, я даже не помню Её нормально спящей. Ночью Елизавета Ивановна, как правило, строчила одежду своим детям на своей ручной швейной машинке фирмы «Зингер», либо проверяла школьные тетради учеников. И лишь иногда ночью, поднявшись с постели по естественной надобности, я заставал её задремавшей за письменным столом перед тетрадями или швейной машинкой.

Лишь только один раз за всю жизнь Елизавета Ивановна (где-то в 70-х годах), получив в Собресе путёвку, поехала на курорт в Цхалтубо. Тогда же она взяла с собой удостоверение и звезду «Мать-героиня», которую, к великому сожалению, у неё украли.

Надо сказать, что Елизавета Ивановна была не только чрезвычайно энергичной и неутомимой, но и весьма мобильной. Она довольно часто ездила навещать своих детей, проживавших в разных городах: в Ткварчели, Зугдиди, Одессу, Ленинград, Пятигорск, Херсон и др. Но чаще всего моя Мать ездила в Ткварчели и в Зугдиди, где жила моя старшая сестра Лиза со своей семьёй (мужем Георгием Микава и детьми – Лианой, Автандилом и Тамарой). Ездила она также навещать и старшего своего сына Игоря (вместе с младшим сыном Анатолием), первый раз – в Одессу, второй раз (с внуком Автандилом) – в Херсон, где ей очень понравилось, как говорит Игорь.

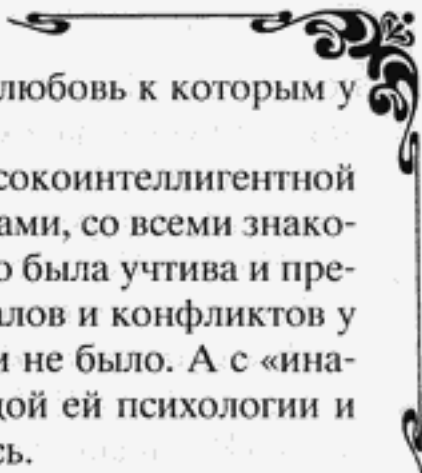

Следует признаться, что я всё же ревновал свою Мать, которая часто выезжала из дома, чтобы навестить и помочь другим, уже семейным, своим детям. Именно в этом я усматриваю главную причину того, что мне часто не хотелось находиться дома в её отсутствие и я, молодой и неопытный человек, вынужден был искать утешения в своих новых чувственных привязанностях, которые в конечном счёте привели меня к серьёзным заблуждениям и роковым ошибкам, имевшим крайне негативные для меня последствия на всю жизнь. Всё происшедшее со мной тогда, конечно же, хорошо понимала моя Мама, которая очень сильно переживала возникшие в моей личной жизни проблемы. Тем самым я, несомненно, причинил ей много моральных страданий, груз которых так и остался пожизненно на моей совести.

В общении со своими детьми Елизавета Ивановна всегда была довольно строга, но неизменно внимательна и справедлива. Причём Её влияние и дух я, например, находясь даже на учёбе в Харьковском институте, вдали от дома, ощущал очень сильно. Это влияние на меня было настолько сильным и уважение к ней настолько велико, что даже после окончания института, когда я уже был назначен на руководящую должность, я всё же не мог при ней курить.

Что же касается материальной поддержки детей, в том числе и меня, которые находились вне дома на учёбе в других городах, то Её аккуратность и обязательность были просто безупречны. Вообще мою Мать всегда отличала абсолютная надёжность и преданность долгу, что у Неё чаще всего проявлялось в

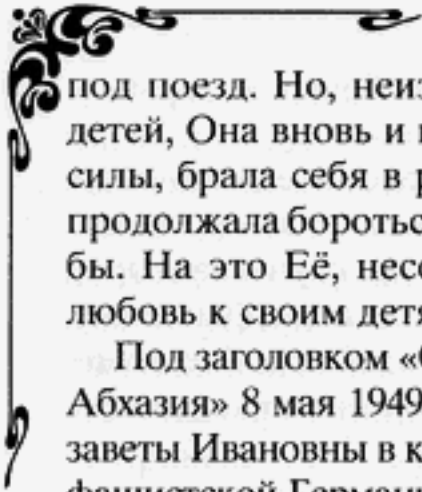
отношениях со своими детьми, любовь к которым у Неё была безмерной.

Елизавета Ивановна была высокоинтеллигентной женщиной. В общении с коллегами, со всеми знакомыми и соседями она неизменно была учтива и предупредительна. Никаких скандалов и конфликтов у Неё ни с кем и никогда в жизни не было. А с «инакомыслящими», с людьми чуждой ей психологии и нравами она просто не общалась.

За жизнь и нравственное здоровье каждого своего ребёнка Елизавета Ивановна боролась предельно самоотверженно, непрерывно и повседневно, проявляя при этом несгибаемую силу воли и твёрдый характер. Поставить на праведный путь только лишь одного сына – Анатолия, который отличался от всех своих братьев и сестёр сложным, своенравным характером и весьма вольными поступками, доставляя матери много хлопот, стоило немало усилий.

В отрочестве, связавшись со шпаной, Анатолий стал убежать из дома. Естественно, это очень беспокоило нашу Мать, у которой и без того было немало забот с детьми. Так, мы с Матерью преследовали его буквально по пятам. Однажды, преследуя его, чтобы вернуть домой, мне пришлось бежать за ним даже по крыше движущегося пассажирского поезда (в районе железнодорожной станции Сухума).

Иногда подавляюще гнетущие трудности представлялись Елизавете Ивановне просто непреодолимыми. И тогда наступал психологический кризис. Как она сама вспоминала позднее, у неё в такие минуты даже рождалась мысль о том, чтобы броситься

под поезд. Но, неизменно думая о будущем своих детей, Она вновь и вновь находила в себе духовные силы, брала себя в руки, и с ещё большим усилием продолжала бороться со всеми превратностями судьбы. На это Её, несомненно, подвигала безмерная любовь к своим детям.

Под заголовком «Слово матери» газета «Советская Абхазия» 8 мая 1949 года опубликовала письмо Елизаветы Ивановны в канун 4-й годовщины Победы над фашистской Германией. Вот выдержка из Её письма:

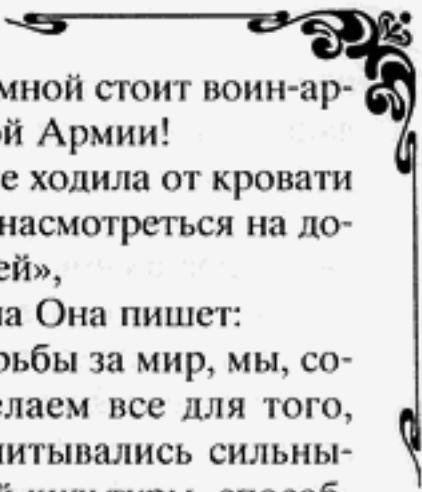
«То были незабываемые дни для всего советского народа, для народов мира. Сводки Совинформбюро каждый день приносили радостные вести об успехах наших доблестных войск под Сталинградом. Всё теснее сжималось кольцо вокруг фашистской нечести, возмечтавшей сломить волжскую твердыню.

Там, под Сталинградом, где советские люди решали судьбы человечества, сражался и мой сын Игорь.

«Дорогая мама, отец, братья мои и сестры, – писал Игорь в одном из писем, – пришёл и на нашу улицу праздник! В страхе мечутся враги, не выдерживая наших ударов, чувствуя, что их судьба уже решена. Прости, дорогая мама, что пишу так редко, но мысленно я всегда с тобою. Я иду в бой с твоим именем и с именем матери – Родины на устах и сражаюсь за счастье сестер и братьев, за счастье всего народа моей Отчизны.

Скоро я вернусь, и пусть не волнует тебя порой моё долгое молчание».

И он, мой мальчик, вернулся, вернулся с Победой, пройдя боевой путь от Сталинграда до Будапешта. Только что, окончив десятый класс, ушёл на

фронт Игорь. Теперь же предо мной стоит воин-артиллерист доблестной Советской Армии!

Уже все давно заснули, а я все ходила от кровати к кровати, смотрела и не могла насмотреться на дорогие, любимые лица своих детей»,

И в заключение своего письма Она пишет:

«Внося свой вклад в дело борьбы за мир, мы, советские женщины-матери, сделаем все для того, чтобы дети наши росли и воспитывались сильными, смелыми людьми передовой культуры, способными всегда отстаивать свое право на жизнь, свободу и труд».

И Елизавета Ивановна сдержала слово, свято и с честью выполнив свой многотрудный материнский и гражданский долг. Несмотря на невероятные лишения, оставшись вдовой на пятьдесят первом году жизни с восемью несовершеннолетними детьми, наперекор судьбе, обреченная, казалось бы, на непосильные трудности, не пала духом, не растерялась. Мобилизовав всю свою несгибаемую волю и неистощимую энергию, не покладая рук, трудилась, поддерживала своих детей морально во всех сложных жизненных ситуациях. Добилась того, что все Её дети были здоровы и физически и нравственно, получили высшее образование, стали достойными людьми своего общества. Среди детей Елизаветы Ивановны – инженеры, экономисты, врачи, педагоги и другие специалисты высшей квалификации, успешно работавшие в различных отраслях народного хозяйства Абхазии и за её пределами.

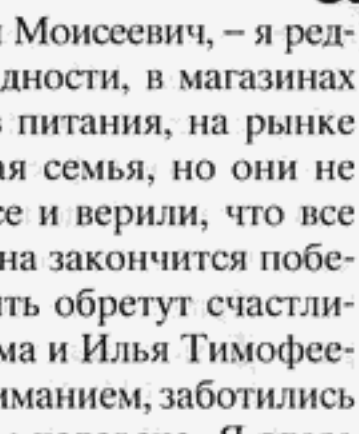
И несмотря на чрезвычайную обременённость большой семьей Елизавета Ивановна проработала

на педагогическом поприще 25 лет и даже выступала с докладами на учительских конференциях города Сухума⁵⁴.

О том, какая морально-психологическая атмосфера царила в семье Ильи Тимофеевича и Елизаветы Ивановны, дают некоторое представление воспоминания соратника, видного просветителя, Заслуженного учителя школы Грузинской ССР, бывшего директора Сухумской 5-й средней школы Терентия Моисеевича Кецбая. Мой сородич Георгий Николаевич Колбая работал в это время в Сухумской городской прокуратуре и по долгу службы обязан был присутствовать на бюро Сухумского ГТС ГСП Грузии, на котором рассматривался вопрос о чрезвычайном происшествии в средней школе, где директором был Терентий. Мне было очень приятно, что мой сородич говорил о нём с большим восхищением.

«15 августа 1942 года, – пишет Т.М. Кецбая, – Илья Тимофеевич зашёл в школу, и мы беседовали о нашей дальнейшей работе. Примерно в 2–3 часа дня началась бомбёжка (города Сухума – Л.К.). Мы выскочили во двор, и я побежал в школьное бомбоубежище, думая, что Илья Тимофеевич последует за мной, но он отказался, сказав: «Я должен быть в своей семье, со своими детьми», – и под бомбёжкой побежал домой.

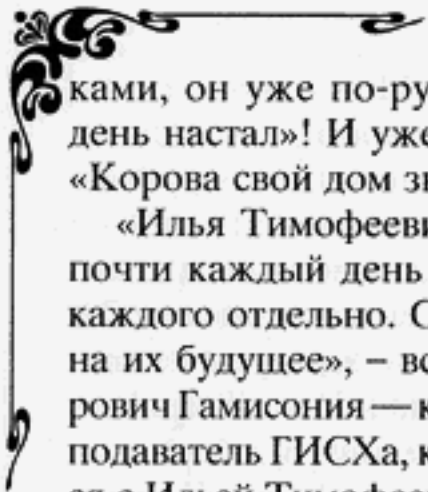
Бомбёжка продолжалась четыре дня. Руководителям учреждений разрешили перейти в менее опасное место. По предложению Ильи Тимофеевича, мы нашу канцелярию перенесли в Ваш дом. И я с 20 августа 1942 года до конца ноября находился у Вас. Таковую дружную семью, как семья Ваших родителей, –

пишет в письме ко мне Терентий Моисеевич, – я редко встречал. Были большие трудности, в магазинах нельзя было достать продуктов питания, на рынке все очень подорожало, большая семья, но они не унывали, стойко переносили все и верили, что все это временное явление, что война закончится победой Советского Союза, что опять обретут счастливую жизнь. Ваша уважаемая мама и Илья Тимофеевич окружили меня большим вниманием, заботились обо мне, как о близком, родном человеке. Я этого никогда не забуду. Я в долгу перед семьёй Ильи Тимофеевича, в долгу перед Вами.

Конечно, родители любят своих детей, но любовь ваших родителей к вам была особая: вы всегда должны были находиться в поле их зрения, и если из вас кто-нибудь отсутствовал хоть на одну минуту, раздавался голос Ильи Тимофеевича: Таня! Толя! Тамара! Лёня! Александр! Но больше всего я слышал – Лёня! Тамара! И этот голос Ильи Тимофеевича поныне звучит в моих ушах.

Эх! Старость, старость, может быть, перепутал имена!!!» (Надо заметить, что никакой путаницы с именами Терентий Моисеевич не допустил). Мне часто вспоминается звонкий клич моего отца, раздававшийся из дома, когда я был ещё подростком: «Йахья уай Лионна, йахья увай», что в переводе с абхазского буквально означает: «Сегодня ты иди (сюда) Леня» (от «нахья» – «сегодня», «уай» – «ты» (кл. муж.) «иди (сюда)»). И как выражение реально нависшей надо мной угрозы родительского наказания за долгое время отсутствия дома, которое я самозабвенно проводил в играх со своими сверстни-

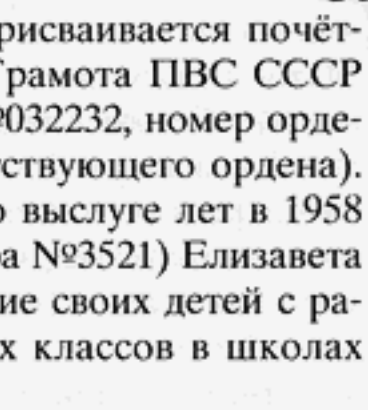
ками, он уже по-русски добавлял: «Сегодня твой день настал!» И уже в доме отец мне выговаривал: «Корова свой дом знает, а ты не знаешь?!».

«Илья Тимофеевич с большой любовью говорил почти каждый день о своих детях. Характеризовал каждого отдельно. С большим оптимизмом смотрел на их будущее», – вспоминал Константин Владимирович Гамисония — кандидат исторических наук, преподаватель ГИСХа, который в 1944 году познакомился с Ильей Тимофеевичем, когда последний работал директором Сухумской русской 7-летней школы № 8. Затем К.В. Гамисония жил по соседству с Ильей Тимофеевичем по Учительскому проезду.

«Здание педагогического училища, где я работал директором, – продолжает К.В. Гамисония, – было занято военными служащими, поэтому занятия студентов педучилища (I, II и III курсов) проводились в вышеупомянутой школе по ул. Чочуа рядом с бывшим детдомом (ныне детская больница – Л.К.).

Работая в одном помещении, мы встречались каждый день. Я, молодой педагог и директор, советовался с Ильей Тимофеевичем по разным методическим вопросам. Он с большим удовольствием давал советы по отдельным вопросам учебного процесса. Илья Тимофеевич был начитанный, культурный интеллигент, приятно было с ним беседовать. Он был представительный, высокого роста, стройный, красивый. Он был хорошим собеседником, любил друзей. Быстро находил с людьми общий язык. Всегда старался дать хороший совет».

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10.05.1949 года Елизавете Ивановне за рождение и

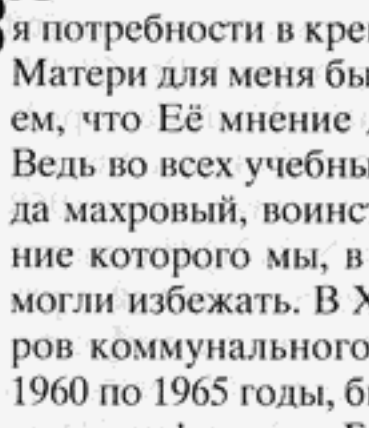

воспитание десятирех детей присваивается почётное звание «Мать-героиня» (Грамота ПВС СССР № 25524, орденская книжка №032232, номер ордена 29818 (с вручением соответствующего ордена). Вплоть до ухода на пенсию по выслуге лет в 1958 году (удостоверение пенсионера №3521) Елизавета Ивановна совмещала воспитание своих детей с работой учительницы начальных классов в школах г. Сухума.

И до последних дней своей жизни Елизавета Ивановна проживала в кругу своих детей в построенном отцом доме. Она никогда не ощущала одиночества, хотя уход из жизни её супруга в 1953 году, старшей дочери – Ариадны в 1973 году (которая скоропостижно скончалась в Ростове-на-Дону от кровоизлияния в мозг), родной младшей сестры Валентины Ивановны, племянника Евгения и тёти Нюры нанесли ей очень ощутимый удар. (Останки моей сестры Ариадны я перевез из Ростова-на-Дону в Сухум и захоронил на нашем родовом кладбище на Михайловке).

Елизавета Ивановна практически никогда не болела, что в нас, детях, порождало иллюзию её абсолютной неуязвимости и вечной жизни. Именно поэтому Её скоротечная, тяжёлая болезнь и кончина явились для всех нас большой неожиданностью и подлинной трагедией.

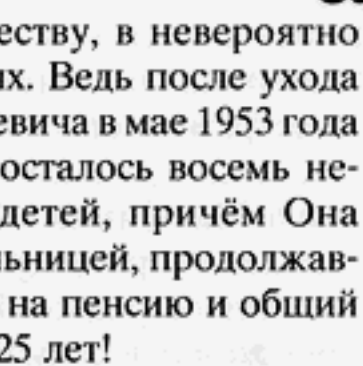
Елизавета Ивановна была православного вероисповедания, но молящейся богу я её никогда не видел. Все дети Елизаветы Ивановны были крещены, в том числе и я, хотя в случае со мной это имело место тогда, когда мне уже исполнилось 18 лет. Лично

я потребности в крещении не ощущал, но авторитет Матери для меня был настолько высок и непререкаем, что Её мнение для меня было превыше всего. Ведь во всех учебных заведениях страны царил тогда махровый, воинствующий атеизм, вредное влияние которого мы, в том числе и я, естественно, не могли избежать. В Харьковском институте инженеров коммунального строительства, где я учился с 1960 по 1965 годы, был преподаватель научного атеизма по фамилии Бержанский. Он, обладая развитым чувством юмора, на последней своей лекции в шутку заявил: «Если до моих лекций по атеизму вы не сомневались, что Бога нет, то теперь, после прослушивания курса, вы по крайней мере, будете в этом сомневаться!».

Надо заметить и то, что Елизавета Ивановна очень верила своим снам, которые для неё были как бы вещими. Её юмор был всегда молод, неподражаем и неиссякаем. И как неоднократно подчёркивала сама Елизавета Ивановна, взаимопонимание у неё с Ильёй Тимофеевичем всегда было абсолютным. Это, очевидно, и предопределило то, что Она, несмотря на все невероятные тяготы быта многодетной семьи, особенно после потери мужа, называла себя не иначе, как счастливою.

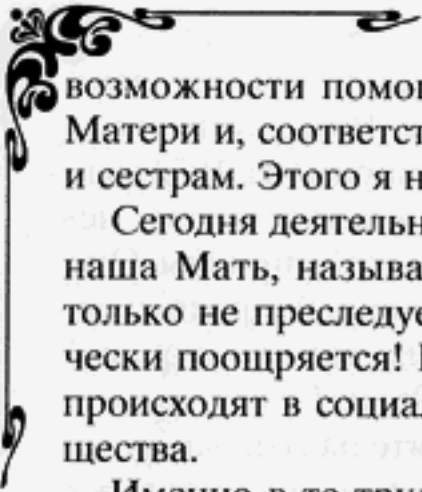
Однако подлинное величие гражданского подвига, Великого подвига Матери – Елизаветы Ивановны заключается не только в том, что Она родила десять детей и была официально признана «Матерью-Героиней», а в том, что родив их, Она всех воспитала физически и нравственно здоровыми, образованными (девять из десяти получили высшее об-

разование!) и полезными обществу, в невероятно тяжелых материальных условиях. Ведь после ухода из жизни супруга Ильи Тимофеевича в мае 1953 года на полном попечении Матери осталось восемь несовершеннолетних учащихся детей, причём Она была не домохозяйкой, а учительницей, продолжавшей работать в школе до ухода на пенсию и общий стаж работы которой составил 25 лет!

Следует отметить и то обстоятельство, что материальные трудности, которые остро и хронически испытывала наша многодетная семья, особенно после ухода из жизни отца, понуждали нашу Мать не только постоянно сдавать часть нашего дома в наём квартирантам, но и с большим риском для себя и своей семьи совершать так называемые «челночные» поездки по городам России. Такая деятельность в советское считалась спекуляцией и уголовно преследовалась законом. Но чего ни сделает ради здоровья и спасения жизни своих детей любящая Мать! В этом подлинное величие и святость Материнства, с которым никакие иные чувства не могут быть сравниваемы!

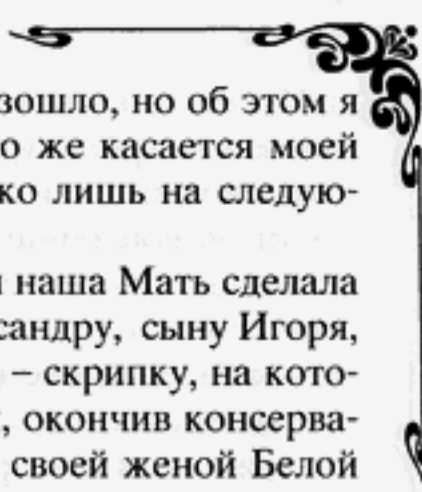
Ведь пенсия по потере кормильца была весьма мало ощутимой материальной поддержкой для нашей большой семьи. Поэтому наша Мать, «вооружившись» своей орденой книжкой «Мать-Героиня», была вынуждена предпринимать конкретные меры в торговом бизнесе, чтобы Её дети были сыты, одеты, обуты и могли продолжать учёбу в школе, получить достойное образование и место в обществе. Причём я хорошо знаю и помню, что моя самая старшая сестра Ариадна и старший брат Игорь по мере

возможности помогали тогда материально нашей Матери и, соответственно, нам – младшим братьям и сестрам. Этого я никогда в жизни не забуду!

Сегодня деятельность, которой тогда занималась наша Мать, называется бизнесом, причём она не только не преследуется законами, а наоборот, всячески поощряется! Вот какие метаморфозы иногда происходят в социально-экономической жизни общества.

Именно в те трудные для нашей семьи годы со мной произошёл такой памятный случай: на железнодорожном вокзале Сухума, зимней ночью, я как-то встречал свою Мать, которая должна была, согласно договоренности, приехать поездом, насколько помню, из Пятигорска. Мать свою я не увидел и решил возвратиться домой, проехав тем же поездом до станции, располагавшейся в центральной части города Сухума, откуда недалеко был расположен наш дом. Став на подножку пассажирского вагона и уцепившись за поручень, навесу подъезжая к упомянутой платформе, когда я уже успел насквозь продрогнуть, я вдруг обнаружил, что мой поезд даже не собирается останавливаться. В этом положении мне ничего не оставалось делать, как ехать до следующей станции Келасури, которая находилась в противоположной стороне города. В общем, мне стоило немало усилий воли, чтобы не сорваться с вагона. Когда с божьей помощью я доехал до очередной станции, то я совсем окоченел от холода. Спрыгнув с подножки, чтобы отогреться, я без остановки бежал до самого своего дома (тогда я был в достаточно хорошей спортивной форме). К счастью, ничего

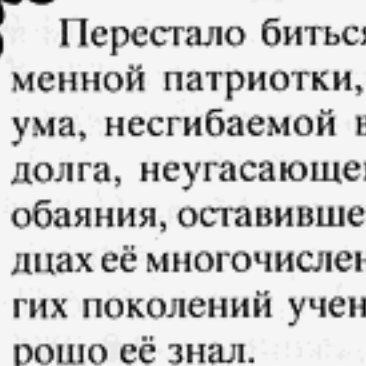

плохого тогда со мной не произошло, но об этом я до сих пор не могу забыть. Что же касается моей Матери, то Она приехала только лишь на следующий день.

Незадолго до ухода из жизни наша Мать сделала своему любимому внуку – Александру, сыну Игоря, прекрасный и дорогой подарок – скрипку, на которой он уже тогда хорошо играл, окончив консерваторию. В тот год Александр со своей женой Белой гостил у нас в Сухуме. Позже Александр, отличаясь большим трудолюбием и способностями, стал лауреатом различных конкурсов и премий, профессиональным скрипачом международного класса, создал свой квартет и гастролировал по многим странам мира. Теперь же он постоянно живёт со своей семьёй в Дании.

Как-то Елизавета Ивановна заявила мне и другим своим детям, что после смерти на её могиле не должно быть никаких надписей, кроме того, что Она родила и воспитала десять детей. И эта материнская заповедь была в точности исполнена. Совершенно ясно и то, что Она прекрасно сознавала, что весь пафос её большой и многотрудной, но вполне содержательной жизни заключался в воспитании своих детей достойными гражданами Отечества.

В ночь со 2-го на 3-е сентября 1982 года, на 81-м году жизни, в Сухумской городской больнице №2, в реанимационном отделении, после непродолжительной и тяжелой болезни (кровоизлияния в мозг), не приходя в сознание, на моих руках, ушла из жизни моя несравненная и незабвенная Мать – Елизавета Ивановна.

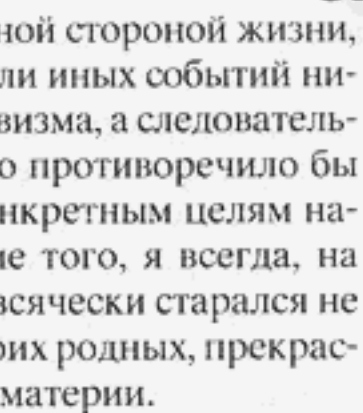

Перестало биться сердце Великой Матери, пламенной патриотки, человека высокой культуры и ума, негибаемой воли и высокого гражданского долга, неугасающего юмора и большого личного обаяния, оставившей глубокий след не только в сердцах её многочисленных детей и потомков, но и многих поколений учеников, всех тех, кто близко и хорошо её знал.

Праха моей Матери был предан земле 7 сентября 1982 года на Михайловском кладбище, рядом с могилой моего отца – Ильи Тимофеевича. Тогда мраморный памятник (из лабрадора чёрного цвета) был специально привезен мною из Украины, в него вмонтирован портрет моей Матери, высеченный на чёрном мраморном камне габро, и сделана надпись в строгом соответствии с её завещанием.

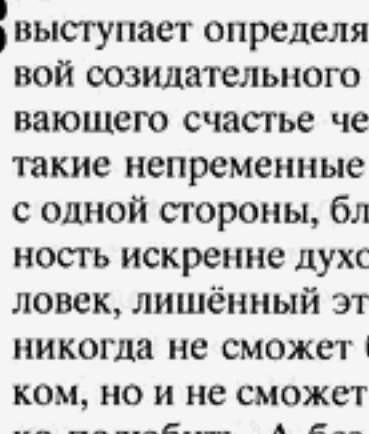
Своим завещанием наша Мать обязывала меня лично после Её кончины продать родительский дом и полученную сумму равными долями разделить между многочисленными Её детьми. И несмотря на невероятно тяжёлую в моральном отношении эту миссию, она была исполнена мной в полном соответствии с материнским завещанием в 1984 году, когда практически все мои братья и сестры имели уже свои собственные квартиры.

Читатель не мог не заметить, что я старался не касаться сугубо личностных аспектов жизни моих многочисленных братьев и сестёр, у которых, конечно же, по-разному она сложилась, но которая никогда не оставляла меня равнодушным. Сделал я это вполне сознательно, поскольку всегда считал и ныне считаю, что личная жизнь является интимной, наи-

более чувствительной и деликатной стороной жизни, и, как следствие, в оценках тех или иных событий никак не может избежать субъективизма, а следовательно, и ошибок. Причем это прямо противоречило бы как моим убеждениям, так и конкретным целям настоящего повествования. Кроме того, я всегда, на протяжении всей своей жизни, всячески старался не вмешиваться в личную жизнь моих родных, прекрасно сознавая всю тонкость этой материи.

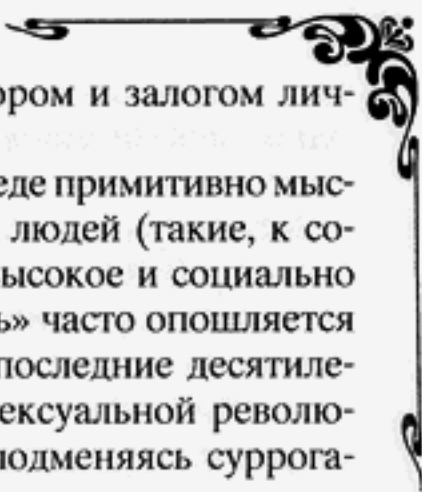
Что же касается нашей Матери, то Она была тем единственным в нашей жизни человеком, который в силу своего исключительного материнского положения и права не мог не быть в курсе всего происходящего в личной жизни своих детей, достигших даже зрелого возраста. Неизменно сопереживая, Она, со свойственной Ей деликатностью, не могла не оказывать своего благотворного влияния на ход всех важнейших событий в личной жизни. Ведь личная жизнь, в конечном счёте, и есть та важнейшая сторона жизни каждого человека, та сложнейшая наука, успешное освоение которой обуславливает благополучие всей жизни человека в целом, делает его счастливым или не очень. То есть личная жизнь — это самая сложная наука, наука о том, как стать счастливым и над освоением которой каждый человек должен духовно трудиться сам. Но, чтобы стать счастливым, конечно же, необходим не только ум, определённые знания и опыт. Нужны ещё и вполне определённые свойства самого характера, которые обязан воспитывать в себе каждый человек, чтобы стать Личностью. Другими словами, именно личный характер человека и есть, по сути, самое главное, что

выступает определяющим в судьбе человека. Основой созидательного характера личности, обуславливающего счастье человека, по-видимому, являются такие непреходящие свойства, как: твёрдость духа – с одной стороны, благородство – с другой и способность искренне духовно любить – с третьей. Ибо человек, лишённый этих свойств характера, не только никогда не сможет быть любим достойным человеком, но и не сможет никого по-настоящему и глубоко полюбить. А без этого, на мой взгляд, не может быть подлинного личного счастья.

И хотя без настоящей – духовной Любви живёт немало людей, не умирая от этого, однако жить без неё, по сути, и означает жить, не зная личного счастья, на которое не только имеет естественное право каждый человек по рождению, но и обязан перед самим собой за него бороться. Причём эта борьба никогда не должна носить безнравственного характера, унижающего личное достоинство как любящего, так и любимого человека. Ведь настоящая – духовная Любовь, по своей естественной природе, всегда созидательна и духовно возвышенна, ибо напрямую связана со стремлением сделать любимого человека счастливым. Причём настоящая Любовь не только всегда созидательна и духовно возвышенна, но и неизбежно высоконравственна и как следствие – жертвенна.

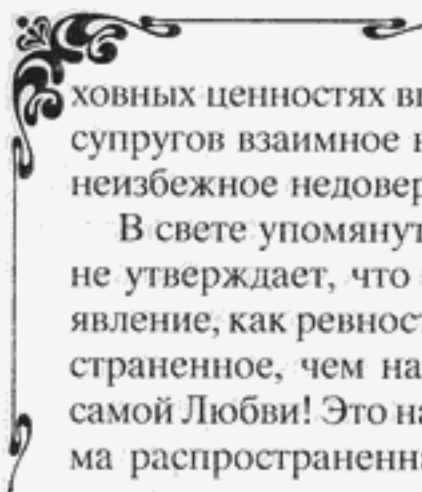
Именно поэтому далеко не каждый человек способен на настоящую, духовно возвышенную Любовь, которая своей жертвенной сутью духовно возвышает как любящего, так и любимого. Причём мера духовной Любви определяет саму духовную высоту

любящего, выступая катализатором и залогом личного счастья.

В нашей реальной жизни, в среде примитивно мыслящих и духовно ограниченных людей (такие, к сожалению, ещё не перевелись), высокое и социально крайне важное понятие «Любовь» часто опошляется (особенно это стало заметно в последние десятилетия, в эпоху так называемой «сексуальной революции»), грубо и невежественно подменяясь суррогатом, и, по сути, сводится к понятию секса – полового влечения и страсти. То есть речь идёт о животном инстинкте, удовлетворении естественной и наиболее сильной биологической потребности, обречённой навсегда быть сугубо интимной для каждого нравственно воспитанного человека, не утратившего понятий стыда и совести. Такая, с позволения сказать, «любовь» ничего не имеет общего с её подлинно духовной природой и сутью. Поэтому-то, несомненно, глубоко несчастен тот человек, который этого не в состоянии вообще понять. Объяснить такому человеку, что такое настоящая – духовная Любовь всё равно, что пытаться объяснить бессовестному, что такое Совесть, бесчестному – что такое Честь, бесстыжему – что такое Стыд, глухому – музыкальное произведение великого композитора, а слепому – произведение великого художника. Они этого никогда в полной мере не осознают! Ибо до этого высокого понятия, которое называется «Любовь», каждый человек должен духовно дорасти только сам, посредством постоянной работы над собой.

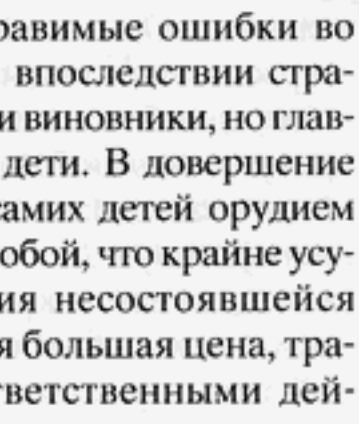
Принципиальные различия в мировоззрении, во взглядах на жизнь и её истинных и непреходящих ду-

ховных ценностях вполне закономерно порождают у супругов взаимное недопонимание и, как следствие, неизбежное недоверие и духовное отчуждение.

В свете упомянутого пусть никто легкомысленно не утверждает, что такое весьма распространённое явление, как ревность (кстати, гораздо более распространённое, чем настоящая Любовь) есть признак самой Любви! Это натуральная и, к сожалению, весьма распространенная глупость! Ведь естественная природа ревности – в животном эгоизме и даже в эгоцентризме, а настоящей духовной Любви – в высокой духовности и самопожертвовании во имя любимого! Если же настоящая Любовь всегда есть самоотверженное стремление любящего сделать любимого счастливым, то как можно сделать любимого счастливым, проявляя в отношении него откровенное недоверие, неуважение и пренебрежение к его взглядам, чувствам и духовным устремлениям? Ведь тот человек, который не понимает, что недоверие и Любовь – понятия несовместимые, тот никогда не сможет не только кого-либо осчастливить, но и сам быть счастливым. Такова уж диалектика и непреложная истина, касающаяся природы и сущности духовной Любви, в которой объективно нет места ревности.

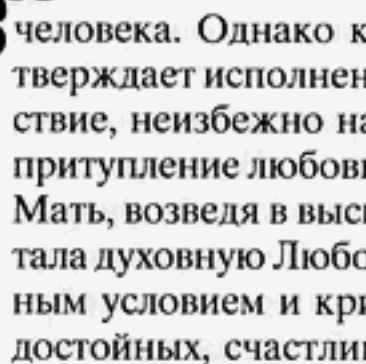
К сожалению, молодые люди, вступающие в супружеские отношения и желающие построить семью, похоже, не хотят учиться на опыте жизни старших поколений, наивно полагая, что в их-то жизни всё будет безоблачно, независимо от их собственных духовных усилий. Однако суровая реальность говорит совсем о другом: неопытные молодые супруги

совершают очень часто непоправимые ошибки во взаимоотношениях, за которые впоследствии страдают, к сожалению, не только сами виновники, но главное – ни в чём не повинные их дети. В довершение всего, они очень часто делают самих детей орудием психологической борьбы между собой, что крайне усугубляет негативные последствия несостоявшейся Любви. Это, по сути, и есть самая большая цена, традиционно уплачиваемая безответственными действиями ревнивцев.

В этом отношении я со всей ответственностью и определённой должен сказать, что наша Мать несомненно и глубоко сознавала всю созидательную силу и мощь, неисчерпаемый творческий потенциал настоящей – духовной Любви, за которую она смогла постоять, не уронив собственного достоинства, сделав счастливой не только себя, но и своего горячо любимого мужа – Илью Тимофеевича, которому Она не только подарила восемь детей, но, главное, смогла всех воспитать физически и нравственно здоровыми людьми.

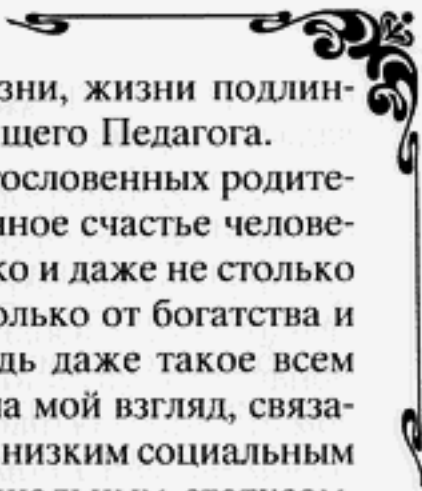
Между тем настоящая Любовь практически всегда связана с теми или иными позитивными, нередко даже неоправданно завышенными ожиданиями от любимого. Это явление вполне естественно, извечно и универсально и связано с реализацией феномена веры – надежды как принципа антропологической экзистенции (то есть человеческой природы существования), которая выражается не только в её неизменной позитивности для верящего и имеет чувственную основу, но, как правило, в возвышенном её содержании и направленности на любимого

человека. Однако когда реальность жизни не подтверждает исполнение таких ожиданий, то, как следствие, неизбежно наступают разочарования и даже притупление любовных чувств. Именно поэтому моя Мать, возведя в высший принцип жизни, всегда считала духовную Любовь (а не её суррогат) самым главным условием и критерием строительства крепких, достойных, счастливых семейных отношений.

В то же время я никак не могу отделаться от мысли, что у моей Матери со мной были связаны неоправданно завышенные ожидания, которые я, в силу своих скромных возможностей, очевидно, не оправдал и вследствие чего навсегда остаюсь собой недоволен, испытывая комплекс неполноценности. И я вовсе не хочу, не могу, и не буду пытаться как-то оправдать себя. Это дело недостойное и неблагодарное. Единственное, что я могу со всей определённо-стью сказать, так это то, что во всей моей жизни до сих пор не было, нет и теперь уже вряд ли будут вообще люди, к которым я мог бы испытывать такие глубокие чувства уважения, искренней признательности, благодарности и духовной Любви, как к моим благословенным родителям, у которых я навсегда остаюсь пожизненным должником.

Что же касается подробностей жизни и деятельности моего отца – Ильи Тимофеевича Колбая – видного педагога-просветителя и общественного деятеля Абхазии, то я счёл целесообразным посвятить ему специально написанный мной биографический очерк, в котором, прежде всего, нашли отражение многочисленные воспоминания его коллег и учеников, наиболее важные вехи его большой, содержа-

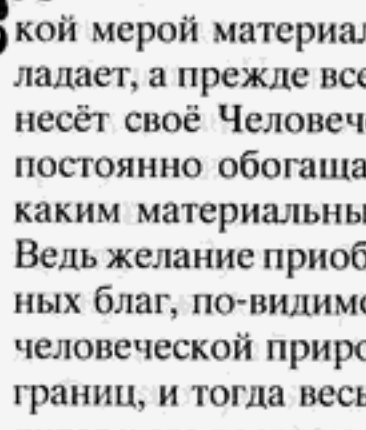

тельной и подвижнической жизни, жизни подлинно Народного учителя и настоящего Педагога.

На примере жизни моих благословенных родителей я хочу показать, что подлинное счастье человека, конечно же, зависит не только и даже не столько от материального богатства, сколько от богатства и силы духа самой личности. Ведь даже такое всем известное понятие, как «раб», на мой взгляд, связано не только и даже не столько с низким социальным положением человека, его социальным статусом, сколько с ущербным состоянием силы воли и его духа, изменить которые к лучшему способен только лишь он сам, непрерывно духовно работая над собой.

Более того, счастье, бесспорно, – духовное понятие и, как таковое, оно, несомненно, зависит только от полноты реализации в жизни высших духовных устремлений человека. И вполне естественно, что у разных людей состояние духа и духовные устремления могут быть совершенно различные. Но объективно счастье всегда тем выше, чем выше сила воли и социально значимее сама духовная цель. По сути же, счастье всегда есть духовный подвиг человека, прежде всего перед самим собой, на сложном жизненном пути преодоления всевозможных преград по его достижению. Так что без духовного подвига, по видимому, нет и, в принципе, не может быть подлинного счастья! Ибо оно – счастье – всегда характеризует лишь степень духовной самореализации того или иного человека.

Именно поэтому подлинное счастье каждого человека, на мой взгляд, зависит вовсе не от того, ка-

кой мерой материального богатства он реально обладает, а прежде всего от того, насколько высоко он несёт своё Человеческое Достоинство, свой Дух и, постоянно обогащая его, умеет быть доволен тем, каким материальным достатком реально обладает! Ведь желание приобретения всё больших материальных благ, по-видимому, совершенно неистребимо в человеческой природе и, по сути, не имеет никаких границ, и тогда весь смысл жизни практически сводится к его достижению, неизбежно нанося при этом ущерб главному – духовному богатству Человека, которое в принципе не может быть никогда восполнено материальным. Этого забывать культурному человеку не следует никогда, чтобы не стать невольной жертвой стяжательства и ложно понятого личного счастья.

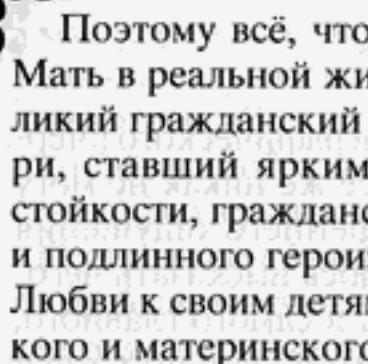
Более того, мне вообще представляется, что сознание чувства меры во всём, пожалуй, есть важнейший признак общей культуры любого человека во все времена и эпохи.

Заключение

В заключение настоящего биографического очерка хочу особо отметить, что я всё же никак не могу полностью отделаться от внутреннего ощущения того, что здесь мне так и не удалось высказать чего-то очень важного, а может быть и самого главного, что определяло подлинно духовную сущность моей Матери. Тем более, никакие мои слова не могут в точности передать глубину моих чувств, переживаний и ответственности за добровольно принятое на себя моральное обязательство написать биографический очерк о своей незабвенной Матери, так как я, конечно же, не в состоянии в полной мере передать подлинное ее духовное богатство и величие как совершенно незаурядного человека, которого сам Бог и счастливая судьба подарили мне в Матери и за что я безмерно им благодарен.

Подчёркиваю: Величие подвига Елизаветы Ивановны состоит не в том, что Она родила десять детей и была официально признана «Матерью-Героиней», а в том, что Она всех родивших воспитала физически и нравственно здоровыми, позволила получить высшее образование в тяжёлых материальных условиях, испытал при этом большие мучения.

Но ведь именно человеческие мучения в борьбе за жизнеутверждающие идеалы всегда подчёркивают подлинное величие самого Подвига. И чтобы свершить настоящий Подвиг, необходимо, прежде всего, быть высоконравственным, духовно сильным и богатым человеком.

Поэтому всё, что свершила моя благословенная Мать в реальной жизни – это, несомненно, есть Великий гражданский подвиг – подвиг Великой Матери, ставший ярким примером высокой духовной стойкости, гражданской ответственности, мужества и подлинного героизма, беззаветной преданности и Любви к своим детям, высокого сознания супружеского и материнского долга.

Поэтому в канун 100-летия со дня рождения моей Матери, я хочу завершить настоящее повествование строками из своего стихотворения, посвященного Ей и написанного ещё в годовщину Её памяти, которое носит название «Рубикон»:

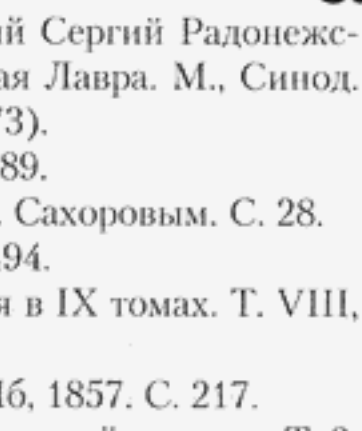
В сердцах потомства – ты жива,
Тебя ведь не забудешь!
Но как твой подвиг измерять?
Каким мерилом его мерить?
Быстрее себя нам потерять,
Чем в смерть твою поверить!

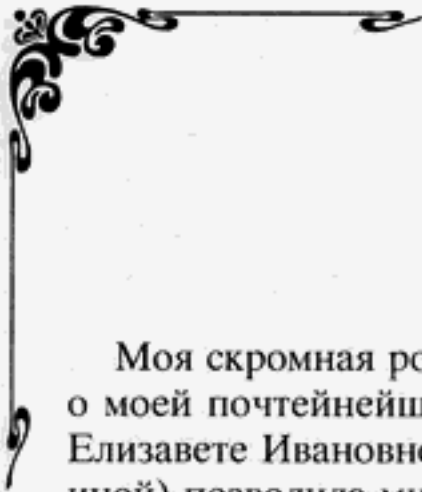
г. Москва, 21 февраля 2002 года

Примечания

1. Соловьёв С.М. История России с древнейших времён. Т. 4. С. 618–620.
2. Курбский А. История о великом князе Московском. В кн. «Памятники литературы древней Руси. Вторая половина XVI века». М., 1986. С. 351–352.
3. Карамзин Н.М. История государства Российского. М., 1989. Т. IV. С. 41, примеч. 3.
4. Карамзин Н.М. История государства Российского. М., 1989. С. 39–41.
5. Веселовский С.Б. Феодалное землевладение в Северо-Восточной Руси. М.–Л., 1947. Т.1. С. 197.
6. Дом Романовых. СПб, 1992. С. 9–11, 30, 213.
7. Повесть о боярыне Морозовой. М., 1991. С. 8–9.
8. Ключевский В.О. Курс русской истории. М., 1988. Т. III. С. 302.
9. Лобанов-Ростовский А.Б. Русская родословная книга. СПб, 1895. Т. 1. Изд. 2. С. 399.
10. Повесть о боярыне Морозовой. М., 1991. С. 5–18.
11. Государственный архив России XVI столетия. Опыт реконструкции. М. 1978. Ч. III. С. 521.
12. Соловьёв С.М. История России с древнейших времён. Т. 2. С. 310, 350, 387–388.
13. Дом Романовых. СПб, 1992. С.11.
14. Русский биографический словарь. СПб, 1911. С. 47.
15. Дом Романовых, СПб, 1992. С. 17.
16. Русский биографический словарь. СПб, 1911. С. 41–59.
17. Соловьёв С.М. История России с древнейших времён. Т.V. С. 163–179.

18. Соловьёв С.М. История России с древнейших времён. Т.V. С. 175–176.
19. Соловьёв С.М. История России с древнейших времён. Т.V. С. 178.
20. Список погребенных в Троице-Сергиевой Лавре. М., 1880. С. 15.
21. Белов Е.А. Русская история до реформ Петра Великого. СПб, 1895. С. 407–408.
22. Сын Отечества. С-Пб, 1822. № 12. С. 228–229.
23. Список подгребенных в Троице-Сергиевой Лавре. М., 1880. С. 15.
24. Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. 3. № 1480 от 10 января 1695 г.
25. Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. СПб, 1858. Т. 2. С. 346–347.
26. Русский биографический словарь. СПб, 1911. С. 209.
27. Список погребенных в Троице-Сергиевой Лавре». М., 1880. С. 6.
28. Словарь русского языка XI-XVII вв. М., 1997.
29. Устрялов Н.Г. Указ. соч. СПб, 1858. Т. 2. С. 263.
30. Соловьёв С.М. Указ. соч. Т. VIII. С. 544.
31. Богословский М.М. Петр I. Материалы для биографии, 1940. Т. I. С. 348).
32. Там же. С. 372.
33. Там же. С. 350.
34. Дневник Корба. Краткое описание опасного мятежа стрельцов в Московии. Чтения Московского общества Истории и Древностей. 1867. Т. I-III. С. 207–232.
35. Соловьёв С.М. История России с древнейших времён. С. 546.
36. Сахновский Н.Н. Первый отечественный генералиссимус. Журнал «Вопросы истории». М., 1987. №7. С. 182.

-
37. Голубинский Е. Преподобный Сергей Радонежский и созданная им Троицкая Лавра. М., Синод. Типография, 1909. С. 271–273).
 38. Соловьёв С.М. Указ. соч. С. 489.
 39. Желябужский. Записки. Изд. Сахоровым. С. 28.
 40. Соловьёв С.М. Указ. соч. С. 494.
 41. Ключевский В.О. Сочинения в IX томах. Т. VIII, М., 1990. С. 392).
 42. Российская родословная. СПб, 1857. С. 217.
 43. Христианство. Энциклопедический словарь. Т. 2. М., 1995. С. 434–452.
 44. БСЭ, изд. 3. Т. 24-1, С. 1276–1277.
 45. Сахановский Н.Н. Первый отечественный генералиссимус. Журнал «Вопросы истории». М., 1987. №7.
 46. БСЭ, изд. 111. С. 431–432.
 47. БСЭ. Изд. 3. Т. 19. С. 1001.
 48. Более подробно об обстоятельствах падения Перми см.: БСЭ. Изд. 3. С. 1279–1281.
 49. Соловьёв С.М. Указ. соч. Т. VIII. С. 174–175).
 50. Фамилия Дмитриев значится среди дворянских родов в «Бархатной книге» под № 241 на странице 159.
 51. Имя М.Т. Раннефта, как работавшего со дня основания Сухумского пединститута в 1932 году, наряду с другими, упоминается в книге В.И. Нарсия «Народное просвещение в Абхазии за 40 лет Советской власти, 1961.
 52. Марыхуба И. Ефрем Эшба. Акуа (Сухум), 1997. С. 224–226.
 53. Постановление Совета Министров республик Абхазии и Грузии от 25.02.1989 г., № 89),
 54. ЦГАА, ф. 8, д. 828, лл. 109 об., 110, 110 об.

Моя скромная роль организатора издания книги о моей почтейнейшей и горячо любимой бабушке Елизавете Ивановне Запольской (урожденной Шеиной) позволила мне обратиться со словами благодарности к многоуважаемому Колбая Леониду Ильичу за «собрание рассеянного» столь ценного материала не только для нашей большой семьи, но и для любого благоразумного и уважающего себя человека помнить о своих корнях, чтить память достойных предшественников, сохранить и передать последующим поколениям любовь к родным пенатам и, наконец, просто знать историю своего происхождения – все это позволяет нам с уверенностью смотреть в будущее, строить планы и быть уверенным в том, что наши дети и внуки будут достойны памяти их предков.

«Почитай отца твоего и мать твою, чтобы тебе было хорошо и чтобы продлились дни твои на земле...».

Библия (Исх., 20:12)

Один из многочисленных внуков Запольской Елизаветы Ивановны (урожденной Шеиной).

Оглавление

Предисловие	5
В глубь веков. Из истории рода	9
Семья моей Матери	36
Наша семья. Подвиг Великой Матери	75
Заключение	121
Примечание	123

Л. Колбая

Подвиг Великой Матери

Редактор *А.М. Плаксина*
Компьютерная верстка *Е.А. Дудолодовой*

Подписано в печать 12.10.2009. Формат 60x84/16.
Гарнитура «Times C» Печ. л. 8,0. Тираж 100 экз. Заказ № 534

Отпечатано в типографии
Санкт-Петербург, ул. Днепропетровская, 8

